

ДЖОАНН ХАРРИС

ЛЕДЕНЦОВЫЕ ТУФЕЛЬКИ

— Цикл «Шоколад» —

Шоколад

Джоанн Харрис

Леденцовые туфельки

«ЭКСМО»

Харрис Д.

Леденцовые туфельки / Д. Харрис — «Эксмо», — (Шоколад)

ISBN 978-5-699-31019-7

На одной из тихих улиц Монмартрского холма нашли прибежище Янна и ее дочери Розетт и Анни. Они мирно и даже счастливо живут в квартирке над своей маленькой шоколадной лавкой. Ветер, который в былые времена постоянно заставлял их переезжать с места на место, затих – по крайней мере, на время. Ничто не отличает их от остальных обитателей Монмартра, и возле их двери больше не висят красные саше с травами, отводящими зло. Но внезапно в их жизнь вторгается Зози де л'Альба, женщина в ярко-красных, блестящих, как леденцы, туфлях, и все начинает стремительно меняться... «Леденцовые туфельки» Джоанн Харрис – это новая встреча с героями знаменитого романа «Шоколад», получившего воплощение в одноименном голливудском фильме режиссера Лассе Халлстрёма (с Жюльетт Бинош, Джонни Деппом и Джуди Денч в главных ролях), номинированном на «Оскар» в пяти категориях.

ISBN 978-5-699-31019-7

© Харрис Д.

© Эксмо

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	24
Часть вторая	28
Глава 1	28
Глава 2	35
Глава 3	39
Глава 4	42
Глава 5	50
Глава 6	53
Глава 7	57
Глава 8	63
Часть третья	67
Глава 1	67
Глава 2	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джоанн Харрис

Леденцовые туфельки

Посвящается А. Ф. Х.

Часть первая

Смерть

Глава 1

31 октября, среда

Día de los Muertos¹

Это факт относительно малоизвестный, но всего лишь за год мертвым отправляют около двадцати миллионов писем. Люди забывают, что все-таки следовало бы приостановить поток корреспонденции, поступающий на имя покойного, – ох уж эти горюющие вдовы и будущие наследники! – и подписка на журналы не бывает аннулирована; друзья, живущие далеко, остаются непопеченными, а задолженность в библиотеку – непогашенной. А значит, двадцать миллионов циркуляров, банковских извещений, кредитных карт, любовных писем, рекламных проспектов, поздравительных открыток, анонимных доносов и коммунальных счетов, которые каждый день бросают на коврик у двери или в щель почтового ящика, скапливаются, превращаясь в настоящие груды, падают в лестничный пролет, выползают из переполненных почтовых ящиков на лестничную клетку, никому не нужные валяются на крыльце – ведь адресат их уже никогда не получит. Мертвым нет до них дела. Впрочем, что гораздо важнее, нет до них дела и живым. Живые, погруженные в мелкие повседневные заботы, даже не подозревают, что в двух шагах от них происходит чудо: мертвые возвращаются к жизни.

Не так уж много для этого и нужно: парочка счетов, имя, почтовый индекс – в общем, ничего особенного; все это легко можно найти в любом старом чулане, в мусорной корзине, на помойке; иногда разорванным на клочки (возможно, лисицами), а иногда лежащим прямо на крыльце, точно подарок. Многого можно узнать, роясь в куче ненужной корреспонденции: имена, подробности, касающиеся банковских вкладов, пароли, адреса электронной почты, коды охраны. Если правильно сопоставить все эти данные, можно снять деньги с банковского счета или открыть новый, можно взять в аренду автомобиль, можно даже подать заявление на выдачу нового паспорта. Все равно мертвым такие вещи больше не нужны. В общем, как я и сказала, это подарок, который нужно просто поднять с пола.

Иногда, впрочем, Судьба сама вручает подобные подарки, и тут уж держи ухо востро. *Сагре диет²*, а кто прозевал удачу, пусть идет к черту.

Вот почему я всегда читаю некрологи и порой умудряюсь раздобыть все необходимые сведения еще до того, как состоятся похороны. Именно поэтому, когда я вижу этот знак Судьбы, а под ним еще и почтовый ящик, полный писем, то принимаю подобный дар с учтывым поклоном и благодарной улыбкой.

Разумеется, это был не мой почтовый ящик. Почтовое обслуживание здесь лучше, чем во многих других местах, так что не по адресу письма доставляют редко. Отчасти именно

---

¹ День мертвых (исп.). – Здесь и далее примечания переводчика.

² Лови день (лат.).

поэтому, кстати, я предпочитаю жить в Париже; ну и еще, конечно, из-за здешней еды, вин, театров, магазинов и поистине неисчерпаемых возможностей. Однако Париж здорово бьет по карману – накладные расходы просто невероятные! – и, кроме того, мне вот уже некоторое время до смерти хочется придумать себе какую-то новую жизнь. Почти два месяца я весьма удачно играла роль преподавательницы одного из лицеев 11-го округа, но в связи с недавно возникшими там неприятностями решила разом покончить с прежней жизнью (прихватив с собой двадцать пять тысяч евро из ведомственных фондов, которые собиралась положить на счет, предусмотрительно открытый мною на имя бывшей коллеги, и через пару недель незаметно снять) и стала присматривать себе подходящую квартиру.

Сначала я попыталась найти что-нибудь на Левом берегу. Мне это, разумеется, не по карману, но девушка из агентства этого не знала. Так что со своим английским акцентом и документами на имя Эммы Виндзор, с сумочкой от «Малберри», небрежно повешенной на плечо, в платье от Прада, с нежным шепотом обвивавшем мои обтянутые тонкими чулками лодыжки, я вполне могла себе позволить приятную утреннюю прогулку среди богатых особняков и дорогих магазинов.

Я сразу попросила показывать мне только уже пустующее жилье. На Левом берегу имелось несколько роскошных апартаментов с видом на реку; это были квартиры в больших особняках с садиками на крыше или пентхаусы с паркетными полами.

С некоторым сожалением я отвергла их все, хоть и не смогла удержаться от возможности прихватить кое-какие полезные мелочи. Журнал – в целехоньком полиэтиленовом пакете – с номером банковского счета подписчика; несколько банковских уведомлений; а в одном месте меня ждала поистине золотая находка: банковская карточка на имя Амели Довиль; чтобы ее активировать, требовалось всего лишь позвонить по телефону.

Я оставила девушке номер своего мобильного. Разговоры по нему оплачивала некая Ноэль Марселен, чье удостоверение личности я раздобыла несколько месяцев назад. Оплата ее счетов производится на самом современном уровне – бедняжка скончалась в прошлом году в возрасте девяноста четырех лет, и это означает, что тому, кто попытается отследить мои звонки, придется изрядно попотеть. Мой счет за интернет – также на ее имя – по-прежнему аккуратно оплачивается. Эта Ноэль слишком дорога мне, жаль было бы ее потерять. Но становиться ею я совершенно не намерена. Во-первых, не хочу, чтобы мне уже исполнилось девяносто четыре. А во-вторых, мне попросту надоело получать рекламные проспекты всевозможных колясок и подъемников для инвалидов.

Мое последнее удостоверение личности было на имя Франсуазы Лавери, преподавательницы английского языка из лицея имени Руссо, 11-й парижский округ. Возраст – 32 года, родилась в Нанте, вышла замуж за Рауля Лавери и в тот же год овдовела – муж погиб в автомобильной катастрофе накануне первой годовщины со дня свадьбы, что, по-моему, весьма романтично и отчасти объясняет, отчего у нее такой меланхоличный вид. Строгая вегетарианка, довольно застенчивая, старательная, но не слишком способная, то есть для меня никакой угрозы не представляет. В общем и целом довольно милая особа, и это всего лишь означает, что судить по внешнему виду никогда не стоит.

Сама-то я нынче ничуть на нее не похожа. Двадцать пять тысяч евро – сумма немаленькая, и всегда есть шанс, что кто-то заподозрит, где тут собака зарыта. Большинство людей, впрочем, не испытывают ни малейших подозрений – многие не заметили бы и преступления, совершаемого прямо у них под носом, – но я стараюсь так сильно не рисковать; я давно поняла, что куда безопаснее просто все время находиться в движении.

Вот я и путешествую, причем налегке – потрепанный кожаный чемодан и ноутбук «Сони», в котором содержатся данные более чем на сотню подходящих личностей; в общем, я могу в один миг собрать вещички, а за два-три часа и полностью замести все следы.

Именно так исчезла Франсуаза Лавери. Я сожгла все ее документы, корреспонденцию, банковские данные, записи. Закрывает все ее счета. А ее книги, одежду, мебель и прочее передала в Croix Rouge³. К чему иметь при себе лишние улики?

После этого мне пришлось подыскать себе новое обличье. Я сняла номер в дешевой гостинице, расплатилась кредитной карточкой Амели, переделалась в вещи Эммы и отправилась по магазинам.

Франсуаза одевалась немодно и скучновато: средний каблук, аккуратная прическа. Та, в чьем обличье я выступаю теперь, ничуть на нее не похожа. Зози де л'Альба – так ее звали, и она, в общем, казалась иностранкой, хотя и нелегко было бы с ходу определить, откуда она родом. Она настолько же яркая, насколько Франсуаза была бесцветной, носит драгоценности, причем даже в волосах, обожает яркие цвета, а ее одежда отличается изрядной фривольностью; страшно любит базары и большие «винтажные» магазины, а скромных туфель даже в гроб не наденет.

Подобная перемена облика была мной тщательнейшим образом продумана. Я вошла в магазин как Франсуаза Лавери – в серенькой двойке с ниткой искусственного жемчуга на шее – и через десять минут вышла оттуда совершенно неузнаваемой.

Но остается главная проблема: куда пойти? О Левом берегу, хотя это и весьма соблазнительно, даже речи идти не может, хотя я считаю, что с Амели Довиль вполне можно содрать еще несколько тысяч, прежде чем и ее отправить на помойку. Разумеется, у меня есть и другие источники средств, не считая самого недавнего – мадам Бошан, исполнительного секретаря, занимающегося финансами в том департаменте, где я прежде служила.

Открыть кредитный счет ничего не стоит. Парочки использованных счетов за коммунальные услуги или даже старых водительских прав вполне достаточно. А при нынешнем росте количества товаров, покупаемых в кредит, подобных возможностей с каждым днем все больше и больше.

Впрочем, мои потребности простираются гораздо дальше простого поиска средств к существованию. Скука, обыденность – это ужасно. Мне необходим простор, возможности для приложения моих способностей и умений, я жажду приключений, перемен, сражений с Судьбой.

Настоящей жизни.

Именно такую возможность Судьба мне и предоставила, причем как бы случайно, когда ветреным утром в конце октября на Монмартре я, взглянув на витрину какой-то лавчонки, заметила аккуратную маленькую табличку:

*Fermé pour cause de décès*⁴.

Я давно не бывала в этих местах. И успела позабыть, как мне когда-то здесь нравилось. Монмартр, по словам местных жителей, – последняя деревня, оставшаяся на территории Парижа, а уж эта часть Монмартрского холма, Butte⁵, являет собой почти пародию на сельскую Францию с ее кафе и крошечными crêperies⁶; с ее домиками, выкрашенными в розовый или фисташковый цвет, с фальшивыми ставнями на окнах и геранями на каждом подоконнике; повсюду этакая старательно созданная живописность, точно на эскизе киношной декорации, исполненная поддельного очарования и даже не особенно скрывающая, что внутри у нее не душа, а камень.

Возможно, именно поэтому мне здесь так нравится. Почти идеальный фон для такой персоны, как Зози де л'Альба. А оказалась я там почти случайно: остановилась на какой-то

---

³ Красный Крест (фр.).

⁴ Закрыто в связи с похоронами (фр.).

⁵ Холм, пригорок (фр.).

⁶ Блинная (фр.).

площади за Сакре-Кёр, заказала кофе с круассаном в баре под названием «Крошка зяблик»⁷ и уселась за столик на улице.

Голубая жестяная вывеска высоко на углу сообщала, что это место называется Place des Faux-Monnaieurs⁸. Тесная крошечная площадь, похожая на аккуратно застеленную кровать. Кафе, блинная, парочка магазинов. Больше ничего. Даже ни одного дерева, чтобы смягчить ее четкие каменные границы. Но по какой-то причине один из магазинчиков все же привлек мое внимание – весьма жеманного вида confiserie⁹; во всяком случае, мне так показалось, хотя надпись над дверями была почти стерта. Витрина наполовину закрыта жалюзи, но с того места, где я сидела, мне было все же видно, что именно там выставлено; в глаза бросалась и ярко-голубая, точно кусочек небес, дверь. Через площадь до меня доносился негромкий мелодичный звон: висевшая над дверью магазина связка колокольчиков время от времени звенела на ветру, точно посылая неведомо кому некие сигналы.

Кто знает, почему эта кондитерская вызвала мой интерес. В лабиринте улиц, протянувшихся по склонам Холма, таких крошечных магазинчиков полным-полно; они, ссутулившись, стоят на перекрестках вымощенных булыжником улиц и похожи на усталых кающихся грешников. С узкими фронтонами, горбатые, они жмутся к мостовой, и зачастую внутри у них очень сыро, однако аренда такого помещения обойдется в целое состояние; тем, что эти магазинчики до сих пор на плаву, они обязаны главным образом глупости туристов.

И квартиры над ними тоже крайне редко оказываются пристойными. Маленькие, неудобные комнаты расположены слишком далеко друг от друга. Ночью, когда у подножия Холма оживает огромный город, в таких квартирах неизменно шумно; зимой в них холодно, а летом наверняка невыносимо жарко, потому что толстая старая черепица насквозь пропитывается тяжелым пылом солнца, раскаленные лучи которого бьют к тому же прямо в единственное окошко, прорубленное в крыше и такое узкое, не шире восьми дюймов, что света оно почти не пропускает, только этот удушающий зной.

И все же... что-то притянуло мой взгляд. Возможно, письма, торчавшие из металлических челюстей почтового ящика, точно высунутый язык озорника. Или едва осязаемый аромат мускатного ореха и ванили (а может, это был просто запах сырости?), долетавший из-за той небесно-голубой двери. Или ветер, игравший подолом моей юбки и шаловливо перебиравший колокольчики над дверью. Или объявление, аккуратно написанное от руки и таившее в себе некий невысказанный, мучительно загадочный смысл:

Закрѳто в связи с похоронами.

К этому времени я уже покончила с кофе и круассаном. Расплатилась, встала и пошла к этому магазинчику, желая рассмотреть его поближе. Оказалось, что это chocolaterie, шоколадная лавка; подоконник крошечной витрины был весь заставлен коробками и жестянками, а за ними в полутьме я сумела разглядеть подносы, на которых возвышались пирамиды всевозможных лакомств, накрытые округлыми стеклянными колпаками и похожие на свадебные букеты из прошлого столетия.

У меня за спиной, в баре «Крошка зяблик», два пожилых господина закусывали вареными яйцами и длинными ломтями хлеба с маслом, а patron в фартуке, склонившись над каким-то гроссбухом, гневно разглагольствовал о том, что некто по имени Пополь здорово ему задолжал.

---

⁷ Название «Крошка зяблик» («Le P'tit Pinson», букв.: «маленький зяблик») образовано от фамилии владельца бара Лорана Пансона, о котором речь пойдет далее.

⁸ Площадь Фальшивомонетчиков (фр.).

⁹ Кондитерская (фр.).

Если не считать этих людей, вокруг по-прежнему не было ни души; лишь какая-то женщина вдалеке подметала тротуар да парочка художников с мольбертами под мышкой направлялась к площади Тертр.

Один из них, молодой человек, перехватив мой взгляд, вскричал:

– О, привет! Вы-то мне и нужны!

Охотничий клич уличного портретиста. Я сразу его узнала – сама не раз бывала в такой шкуре; мне хорошо известно это выражение радостного восторга на лице художника, якобы свидетельствующее о том, что он нашел-таки свою музу, которую искал столько лет, и теперь, сколько бы ни содрал с клиентки, даже если цена будет просто грабительской, это все равно окажется меньше истинной стоимости его будущего гениального творения.

– Нет уж, увольте, – сухо сказала я. – Найдите для своего бессмертного шедевра кого-нибудь другого.

В ответ он молча пожал плечами, скорчил рожу и побрел следом за своим дружком. Теперь эта *chocolaterie* была в полном моем распоряжении.

Я мельком глянула на письма, непристойно торчавшие из щели почтового ящика. Особо рисковать не имело смысла. Но отчего-то этот крошечный магазинчик прямо-таки притягивал меня, манил, как манит порой что-то, блеснувшее меж камнями на булыжной мостовой, – то ли монетка, то ли колечко, а может, и просто клочок фольги, в котором отражается солнце. Да и в воздухе словно висел тихий шепот обещаний, и, кроме всего прочего, был Хэллоуин, *Día de los Muertos*, а День мертвых всегда был для меня счастливым, ибо это день концов и начал, день недобрых ветров и коварных благоденствий, ночных костров и тайн; день чудес – и, разумеется, мертвых.

Я еще раз быстро огляделась. Никто на меня не смотрел. И я была совершенно уверена, что никто не заметил, как я одним быстрым движением сунула эти письма в карман.

Осенний ветер налетал сильными порывами, поднимая на площади клубы пыли. Ветер пахнул дымом – но не парижским, а дымом моего детства, которое я хоть и нечасто, но все же вспоминаю; в нем чувствовался аромат ладана, миндального крема и опавших листьев. На Холме деревьев практически нет. Собственно, это просто скала, и даже яркая, как на свадебном пироге, глазурь едва ли способна скрыть то, что сам этот «пирог» совершенно лишен вкуса. А вот небо над Монмартром точно хрупкая яичная скорлупка, выкрашенная голубой краской и разрисованная сложным узором из белых полос – это реактивные самолеты начертали переплетающиеся следы, похожие на мистические символы.

И среди них я, в частности, различила кукурузный початок, причем очищенный, – а это всегда означает подношение, подарок.

Я улыбнулась. Неужели просто совпадение?

Смерть – и подарок? И все в один день?

Однажды, когда я была совсем маленькой, мать отправилась со мной в Мехико, желая показать мне ацтекские руины и отпраздновать День мертвых. Мне ужасно нравилась драматичность происходящего: цветы, и *pan de muerto*¹⁰, и пение, и сахарные черепа. Но больше всего мне понравилась пиньята – раскрашенная фигурка животного из папье-маше, увешанная шутихами и битком набитая сладостями, монетками и маленькими сверточками-подарками.

Суть игры заключалась в том, чтобы, подвесив такую пиньяту над дверью, швырять в нее палками и камнями до тех пор, пока она не расколется и не «покажет», какие подарки у нее внутри.

Смерть и подарок – два в одном.

---

¹⁰ Хлеб мертвого (*исп.*).

Нет, это не могло быть простым совпадением. И сам этот день, и этот магазин, и этот знак в небесах – они возникли на моем пути, словно по велению самой Миктекасиуатль¹¹. Это была как бы моя собственная, личная пиньята...

Все еще улыбаясь, я повернулась и вдруг заметила, что за мной кое-кто наблюдает. Шагах в десяти от меня стояла девочка лет одиннадцати-двенадцати, в ярком красном пальтишке и коричневых школьных туфлях, явно уже не новых. Меня поразили ее роскошные волосы, черные, шелковистые и вьющиеся, как у святых на византийских иконах. Девочка смотрела на меня совершенно равнодушно, слегка склонив голову набок.

На мгновение мне показалось, что она заметила, как я совала в карман содержимое почтового ящика. Кто ее знает, сколько времени она уже там простояла, так что я, одарив ее самой обольстительной своей улыбкой, поглубже засунула в карман украденные письма.

– Привет, – сказала я. – Тебя как зовут?

– Анни.

Но на мою улыбку она не ответила. Глаза у нее были странного цвета – сине-зелено-серые, а губы такие красные, что казалось, она их накарсила. Все это в холодном утреннем свете выглядело просто потрясающе; я смотрела на нее и не могла насмотреться; мне казалось, что глаза ее сияют все ярче, становясь удивительно похожими на синее осеннее небо.

– Ты ведь нездешняя, верно, Анни?

От неожиданности она захлопала глазами; похоже, ее удивило, как это я догадалась. Дело в том, что парижские дети никогда не разговаривают с незнакомцами: подозрительность у них в крови. А эта девочка вела себя по-другому – она, правда, тоже держалась осторожно, но никакой враждебности к незнакомым людям в ней не чувствовалось, да и мое обаяние явно не оставило ее равнодушной.

– Откуда вы знаете? – все-таки спросила она.

Один-ноль в мою пользу. Я улыбнулась.

– Я по твоему выговору догадалась. Откуда ты? С юга?

– Не совсем, – уклончиво ответила она.

Но теперь уже и сама улыбнулась.

Из беседы с ребенком можно извлечь немало полезного. Имена, профессии, те мелкие бытовые детали, которые придают бесценный налет естественности исполнению той или иной роли. Большая часть интернетовских паролей – это имена детей или супругов, а порой даже кличка любимой кошки или собаки.

– Скажи, Анни, разве в такое время ты не должна быть в школе?

– Только не сегодня. Сегодня же праздник. И потом...

Она выразительно глянула на дверь с написанным от руки объявлением.

– «Закрето в связи с похоронами», – вслух прочитала я.

Она кивнула.

– А кто умер? – спросила я.

Ярко-красное пальтишко Анни казалось мне уж больно неподходящим для похорон, да и выражение лица ее, пожалуй, ничуть не свидетельствовало о тяжелой утрате.

Ответила она, правда, не сразу, но я заметила, как блеснули серо-голубые глаза; теперь она смотрела на меня несколько высокомерно, словно решая про себя, является ли мой вопрос проявлением вульгарной бестактности или же продиктован искренним сочувствием.

Пусть себе смотрит сколько угодно, решила я. Я привыкла, что на меня пялят глаза. Это случается порой даже в Париже, где красивых женщин более чем достаточно. Я сказала «красивых», но ведь красота – это всего лишь иллюзия, простенькие чары, даже почти что и не

---

¹¹ Миктекасиуатль – в мифологии индейцев Центральной Америки жена бога смерти и подземного мира Миктлантекутли.

магия вовсе. Определенный наклон головы, определенная походка, соответствующая данному моменту одежда – и любая способна стать красавицей.

Ну, почти любая.

Я заставила ее смотреть мне прямо в глаза, воспользовавшись самой обворожительной своей улыбкой – милой, кокетливой, чуть печальной; я как бы на мгновение стала ее старшей сестрой, которой у нее явно никогда не было, – очаровательной взъерошенной бунтаркой с сигаретой «Голуаз» в руке. На мне одежда немислимых неоновых цветов, юбчонка в обтяжку и шикарные непрактичные туфли, в каких, не сомневаюсь, и сама Анни втайне мечтает щеголять.

– Не хочешь говорить? – спросила я.

Она еще несколько секунд молча смотрела на меня. Она, безусловно, старший ребенок в семье (если я хоть что-нибудь в этом смысле), безумно устала от необходимости постоянно быть хорошей девочкой и уже стоит на пороге того опасного возраста, которому свойственно бунтарство. Цвета ее ауры были необычайно чисты; в них я читала определенное своеволие, упрямство, печаль и еле заметный гнев; а еще в них яркой нитью сквозило нечто, пока не совсем мне понятное.

– Ну, Анни, скажи мне: кто умер?

– Моя мать, – спокойно ответила она. – Вианн Роше.

Глава 2

31 октября, среда

Вианн Роше. Как давно я носила это имя! Я уже почти позабыла, какое оно приятное на ощупь, какое теплое, уютное, словно пальто, некогда любимое, но уже сто лет висящее в шкафу. Я столько раз меняла свое имя – точнее, оба наших имени, когда мы, перебираясь из города в город, следовали за тем ветром, – что желание называть себя Вианн Роше давным-давно должно было бы угаснуть. Та Вианн Роше давно мертва. И все же...

И все же мне было приятно называться Вианн Роше. Мне нравилось, какую форму обретает это имя, когда его произносят чужие губы, – Вианн, точно улыбка. Точно слово приветствия.

Теперь у меня, конечно, новое имя, и не столь уж отличное от старого. И жизнь у меня иная; кто-то, может, скажет: лучше старой. Во всяком случае, она совсем не такая, как прежде. И причина тому – Розетт, и Анук, и все то, что мы оставили в Ланскне-су-Танн в те пасхальные дни, когда ветер опять переменялся.

Ах, тот ветер... Вот он и сейчас дует – действует как бы украдкой, но попробуй его послушаться. Это ведь он всю жизнь диктовал нам каждый шаг.

Моя мать чувствовала его, и я тоже чувствую – даже здесь, даже теперь, – и он несет нас, крутит, как осенние листья, загоняет в тупик, заставляет плясать, а потом разбивает в клочья о булыжную мостовую.

V'là l'bon vent, V'là l'joli vent...¹²

Я думала, мы заставили его замолчать навсегда. Но разбудить его способна любая мелочь: невзначай брошенное слово, жест, даже чья-то смерть. Впрочем, незначительных вещей не бывает. Все имеет свой смысл и свою цену; и одно прибавляется к другому, пока не качнется чаша весов – и вот мы уже снова в пути, бредем по дорогам, говоря себе: ну что ж, возможно, в следующий раз...

Но теперь никакого следующего раза не будет. Теперь я никуда больше не побегу. Я не желаю опять быть вынужденной все начинать сначала; нам столько раз приходилось это делать – и до Ланскне, и после. Но теперь мы останемся. Что бы ни случилось. Чего бы нам это ни стоило, мы останемся здесь.

Мы остановились в первой же деревне, где не было церкви. Мы прожили там шесть недель, а потом отправились дальше. Три месяца, потом неделю, месяц, еще неделю – мы переходили с одного места на другое, каждый раз меняя свои имена, до тех пор, пока моя беременность не стала заметной.

К этому времени Анук было почти семь. Она пришла в восторг, узнав, что у нее будет младшая сестренка; ну а я чувствовала себя безумно усталой. Я устала от этих бесконечных деревень – река, маленькие домишки, герани на подоконнике, – устала от тех взглядов, которые люди бросали на нас, особенно на Анук, и от вопросов, всегда одних и тех же, которые они задавали.

«А вы издали? У вас что, здесь родственники? Вы у них остановитесь? А месье Роше скоро к вам присоединится?»

И когда мы им отвечали, на их лицах появлялось то самое, хорошо нам знакомое выражение – оценивающее, принимающее во внимание и нашу поношенную одежду, и наш единствен-

---

¹² Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер... (*фр.*)

ный чемодан, и нашу повадку беженцев, свидетельствовавшую о слишком большом количестве железнодорожных станций, пересадок и жалких гостиничных номеров, аккуратно прибранных нами перед уходом.

До чего же мне хотелось стать наконец свободной! По-настоящему свободной – нам этого никогда не удавалось сделать. Жить там, где хочется, на одном месте, и, чувствуя порывы ветра, не обращать внимания на его зов.

Но как мы ни старались, слухи следовали за нами по пятам. Они замешаны в какой-то скандальной истории, шептались вокруг. Причем, говорят, с участием священника. Вы только гляньте на эту женщину! Это же просто цыганка какая-то! Говорят, она связалась с речными людьми, называла себя целительницей, утверждала, что хорошо разбирается в травах. А потом кто-то там умер – то ли отравили, то ли просто не повезло...

В общем, примерно в таком духе. И эти слухи расползались, как сорная трава летом, и мы, спотыкаясь о них на каждом шагу, спешили прочь, а они гнались за нами по пятам, свирепо щелкая зубами, и постепенно я начала понимать.

Видно, что-то случилось еще в самом начале нашего пути. Что-то изменило и нас самих, и отношение к нам. Возможно, мы на один день – или на одну неделю – дольше, чем нужно, задержались в какой-то из этих деревень. И что-то стало не так, как прежде. И тени удлиннились. И мы постоянно убегали от чего-то.

Но от чего? Тогда я этого еще не понимала, но уже чувствовала, видя собственное отражение в гостиничных зеркалах, в сияющих витринах магазинов. Раньше я всегда носила красные туфли, индейские юбки с колокольчиками на подоле, купленные в секонд-хенде пальто с вышитыми на карманах маргаритками, джинсы, расшитые цветами и листьями. Теперь же я старалась слиться с толпой. Черные пальто, черные туфли, черный берет на черных волосах.

Анук ничего не понимала.

– Ну почему мы на этот-то раз не могли остаться? – повторяла она свой давнишний припев.

А меня приводило в ужас даже само название того городка; те страшные воспоминания, точно колючки чертополоха, липли к нашей дорожной одежде. И день за днем мы шли вслед за ветром. А по ночам спали, прижавшись друг к другу, в какой-нибудь комнатенке над придорожным кафе; или варили себе горячий шоколад на переносной плитке; или зажигали свечи и показывали на стене «театр теней»; или придумывали замечательные истории о волшебстве, о ведьмах, о пряничных домиках, о черных людях, которые превращались в волков, а порой никак не могли снова превратиться в людей.

А потом эти истории нам поднадоели. И та настоящая магия, та магия, с которой мы прожили всю жизнь, магия моей матери – чары, амулеты, мистификации, блюдечко с солью у порога, красные шелковые саше, призванные умиловить мелких божков, – стала нас отчего-то раздражать. Тем летом мне все казалось, что это злобный паук, который любую удачу может превратить в невезение, стоит часам пробить полночь, поймал в свою паутину все наши мечты. И как только я произносила хотя бы крошечное заклинание, или делала какой-нибудь простенький магический фокус, или вынимала из колоды хоть одну гадальную карту, или осмеливалась начертать на двери хотя бы одну руну, отвращающую беду, сразу поднимался тот ветер; он тянул нас за одежду, обнюхивал, точно голодный пес, и гнал нас то в одну сторону, то в другую.

И все же мы ухитрились бежать впереди него; летом нанимались собирать вишни и яблоки, а в остальное время подрабатывали в кафе и ресторанах, стараясь отложить хоть немного денег, и в каждом городе меняли свои имена. Мы стали очень осторожными. Нам пришлось это сделать. Мы прятались, точно куропатки в поле. Не летали и не пели.

И понемножку, потихоньку карты Таро были совсем позабыты, и травы мои оказались никому не нужны, и особые дни уже никто не отмечал, и никто не обращал внимания на то,

что луна прибывает или убывает, и знаки, что на счастье были начертаны у нас на ладонях черными чернилами, побледнели и смылись.

Наступил период относительного спокойствия. Какое-то время мы жили в городе; я даже подыскала нам жилье, выбрала подходящую школу и больницу. Потом купила на *marché aux puces*¹³ дешевенькое обручальное кольцо и представлялась всем как мадам Роше.

А потом, в декабре, родилась Розетт – в пригородной больнице близ Рена. Мы заранее подыскали себе место, где можно было бы какое-то время прожить спокойно, – Ле-Лавёз, деревушку на берегу Луары. Мы сняли квартирку над блинной. Нам там нравилось. Мы с удовольствием там бы и остались...

Но у декабрьского ветра на наш счет имелись иные планы.

V'là l'bon vent, V'là l'joli vent,
V'là l'bon vent, ma mie m'apelle...¹⁴

Этой колыбельной научила меня мать. Это старинная песенка, любовная, колдовская, и я пела ее, чтобы успокоить тот ветер, заставить его хотя бы теперь оставить нас и лететь дальше. Я пела ее и для того, чтобы убаюкать то крошечное мяукавшее существо, которое принесла с собой из больницы. Малютка не желала ни есть, ни спать, только жалобно кричала, как кошка, и каждую ночь ветер за окнами визжал и метался, точно разгневанная мегера, и каждую ночь мне приходилось петь эту песенку, чтобы он уснул. Я называла его добрым ветром, веселым ветром, пытаюсь умиловить, как это делали когда-то простые люди, называя злобных фурий добрыми господами, хорошими господами, надеясь избежать их мести.

Неужели благочестивые и мертвых преследуют?

Они снова нашли нас там, на берегу Луары, и снова мы вынуждены были бежать. На этот раз в Париж – в Париж, город моей матери и место моего рождения, то единственное место, куда, как я поклялась, мы никогда не вернемся. Но большой город дарует возможность стать невидимками тем, кто к этому стремится. Здесь мы перестали быть попугаями в стае воробьев; теперь у нас такое же оперение, что и у здешних птиц, – слишком заурядное, слишком тусклое и на мой взгляд, и на чужой, по-моему, тоже. Моя мать когда-то бежала в Нью-Йорк, желая там умереть; а я бежала в Париж, мечтая родиться заново. Больна ты или здорова? Счастлива или горюешь? Богата или бедна? Этому городу все равно. У этого города есть и другие дела, поважнее. Не задавая вопросов, он проходит мимо тебя, он идет своим путем и даже плечами от удивления не пожмет.

И все же тот год оказался очень тяжелым. Было холодно, малышка плакала, мы ютились в крошечной комнатке неподалеку от бульвара Шапель, ночью по стенам металась красная и зеленая неоновые огни рекламы, и начинало казаться, что сейчас ты просто сойдешь от этого с ума. Я могла бы остановить эти огни – я знаю одно заклинание, благодаря которому сделать это было бы так же легко, как повернуть в комнате выключатель, – но ведь я поклялась: больше никакой магии, а потому спать нам удавалось урывками, между вспышками красного и зеленого света. И Розетт продолжала непрерывно плакать до самого Крещения (так мне кажется), и впервые наш *galette de rois*¹⁵ был не домашнего приготовления, а куплен в магазине, да, впрочем, никому особенно и праздновать-то не хотелось.

Ах, как я в тот год ненавидела Париж! Я ненавидела этот холод, эту глубоко въевшуюся сажу и эти запахи; ненавидела грубость парижан; ненавидела грохот железнодорожных путей; ненавидела насилие и враждебность, которыми этот город пропитан. Впрочем, вскоре

---

¹³ Блошином рынке (*фр.*).

¹⁴ Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер, Мой милый друг меня зовет... (*фр.*)

¹⁵ Блинный пирог по-королевски (*фр.*).

я поняла, что Париж – это вовсе и не город, а просто целая куча таких русских кукол, матрешек, которые вставляются одна в другую, – и у каждой свои привычки и предрассудки; у каждой своя церковь, или мечеть, или синагога; и все они заражены фанатизмом, сплетнями, все члены каких-то организаций, и среди них, как и повсюду, есть козлы отпущения, неудачники, любовники, вожаки и отверженные, подлежащие всеобщему осмеянию и презрению.

Некоторые люди относились к нам хорошо, например индийская семья, что присматривала за Розетт, пока мы с Анук ходили на рынок, или бакалейщик, который отдавал нам подпорченные фрукты и овощи из своей кладовой. От других доброго отношения даже и ждать не стоило. Скажем, от тех бородатых мужчин, которые сразу отворачивались, если мы с Анук проходили мимо их мечети на улице Мирра. Или от женщин у входа в церковь Святого Бернара, которые и вовсе смотрели на меня, как на грязь.

С тех пор многое в нашей жизни значительно переменялось. Мы наконец нашли подходящее место. Меньше чем в получасе ходьбы от бульвара Шапель. Оказалось, что на площади Фальшивомонетчиков мир совсем иной.

Монмартр – сушая деревня, утверждала моя мать; этакий остров, вздымающийся над парижским туманом. Это, конечно, не Ланскне, но все же место совсем неплохое; у нас маленькая квартирka над магазином, там есть и кухонька, и комнатка для Розетт, и даже для Анук нашлась каморка на самом верху, где под свесами крыши вьют гнезда птицы.

В нашей шоколадной лавке раньше размещалось маленькое кафе, принадлежавшее одной пожилой даме по имени Мария-Луиза Пуссен, которая жила здесь, на втором этаже, уже лет двадцать. Мадам успела похоронить и мужа, и сына, но и теперь, на седьмом десятке, чувствуя себя неважно, все же упрямо отказывалась уходить от дел. Ей требовалась помощница, а мне – работа. Я согласилась вести ее дела за небольшое вознаграждение и разрешение жить наверху, а по мере того, как мадам становилось все труднее оказывать мне поддержку, мы решили преобразовать кафе в шоколадную лавку.

Я заказала припасы, составила финансовые отчеты, организовала доставку, бегала по распродажам, руководила ремонтными и строительными работами. Подобная суэта продолжалась более трех лет, и мы к ней даже как-то привыкли. Возле нашего дома нет и крошечного садика, да и квартирка у нас тесновата, зато из окошка виден Сакре-Кёр, парящий над улицами, точно воздушный корабль. И Анук поступила в школу – в лицей Жюль Ренара, совсем рядом с бульваром Батиньоль, – и учится очень хорошо, умница моя, и много работает, так что я ею горжусь.

Розетт уже почти четыре года, и она, конечно, в школу не ходит, а остается со мной в магазине и забавляется тем, что выкладывает на полу орнамент из пуговиц и конфет, подбирая их по цвету и по форме, или рисует, заполняя в альбоме страницу за страницей маленькими фигурками различных животных. Она учится языку глухонемых и быстро усвоила те жесты, которые соответствуют словам «хорошо», «еще», «снова», «обезьяна», «утки», а совсем недавно – к большому восторгу Анук – она выучила еще и слово «дерьмо».

В обеденный перерыв мы закрываем магазин и идем гулять в парк Тюрлюр, где Розетт нравится кормить птичек, или проходим чуть дальше, на монмартрское кладбище, которое особенно любит Анук – за его мрачное величие и множество кошек. А иногда я просто болтаю с хозяевами других магазинов и кафе, расположенных в нашем quartier¹⁶. Например, с Лораном Пансоном, владельцем небольшого грязноватого кафе-бара на той стороне площади; или с посетителями его заведения, по большей части завсегдатаями, которые приходят туда завтракать и остаются там до обеда; или с мадам Пино, что продает на углу почтовые открытки и всякую религиозную макулатуру; или с уличными художниками, обычно располагающимися посреди площади Тертр, где побольше туристов.

---

¹⁶ Квартале (фр.).

Существует строгое разграничение между жителями Butte, то есть вершины Холма, и прочими обитателями Монмартра. Первые считают себя во всех отношениях выше остальных – во всяком случае, мои непосредственные соседи на площади Фальшивомонетчиков абсолютно в этом уверены. И вообще, согласно их мнению, Холм – это последний аванпост истинно парижского духа в городе, где ныне правят иностранцы.

Здесь жители никогда не покупают шоколад. Это строгое, хотя и неписаное правило. Некоторые места и существуют-то исключительно для аутсайдеров, например булочная-кондитерская на площади Галетт, с ее зеркалами в стиле ар-деко, цветными витражами и барочными колоннами из миндального печенья. Местные же ходят на улицу Трех Братьев в более дешевую и простую булочную-кондитерскую: там и хлеб лучше, и круассаны каждый день пекут. А едят они у Пансона в «Крошке зяблике», где столы покрыты дешевым пластиком и всегда есть *plat du jour*¹⁷, тогда как все «пришлые» вроде нас втайне предпочитают такие заведения, как «Богема» или, хуже того, «Розовый дом», куда истинные сыновья и дочери Холма даже носа не кажут; и уж они бы точно никогда не стали позировать художнику на террасе кафе или на площади Тертр, и к мессе в Сакре-Кёр ни за что не пошли бы.

Нет, к нам в магазин заходят действительно в основном туристы или приезжие. Хотя и у нас есть свои завсегдатаи, например мадам Люзерон, которая заходит каждый четверг по пути на кладбище и всегда покупает одно и то же – три ромовых трюфеля, ни больше, ни меньше, в подарочной коробочке, обвязанной лентой. Или та крошечная белокурая девчушка с обкусанными ногтями, которая почти ничего не покупает – волю испытывает. Или Нико из итальянского ресторана, что на улице Коленкур; он бывает у нас почти каждый день, и его страстная любовь к шоколаду – как и вообще к еде – напоминает мне об одном человеке, которого я когда-то знала.

Бывают и случайные покупатели. Те, кто заходит просто посмотреть, или купить подарок, или маленькое поощрение ребенку – витую леденцовую сосульку, коробочку засахаренных фиалок, упаковку марципанов или *rain d'érices*¹⁸, розовую сливочную помадку или ананасовые цукаты, вымоченные в роме и начиненные гвоздикой.

Мне известны все их предпочтения. Я знаю, что нужно каждому, но никогда не скажу этого вслух. Слишком опасно. Анук сейчас уже одиннадцать, и порой я почти физически ощущаю его, то ужасное знание, что трепещет и мечется у нее в душе, точно зверек в клетке. Анук, мое летнее дитя! В былые времена она ни за что не смогла бы солгать мне, как не смогла бы, например, разучиться улыбаться. Моя Анук, которая когда-то любила лизать мне лицо или бусы у меня на шее, желая сказать: я люблю тебя! – и делала это даже в общественных местах. Моя Анук, моя маленькая незнакомка. Теперь она все сильнее отдаляется от меня, и я не всегда могу понять ее странные настроения, ее загадочное молчание, ее поразительные сказки и истории и тот ее особенный взгляд, каким она порой на меня смотрит – прищурившись и словно пытаюсь разглядеть в воздухе надо мной нечто полузабытое.

Мне, разумеется, пришлось изменить и ее имя. Теперь я стала Янной Шарбонно, а она – Анни, хотя для меня она всегда будет Анук. Но дело совсем не в этих новых именах. Мы и раньше столько раз меняли их. Нет, из нашей жизни ушло, ускользнуло нечто иное. Не знаю, что именно, но чувствую: чего-то мне не хватает.

Она же просто растет, уговариваю я себя. Где-то вдали, точно на противоположном конце огромного зеркального зала, мелькает уменьшенная расстоянием Анук – девятилетняя, все еще исполненная скорее солнечного света, а не тени; затем семилетняя; затем шестилетняя, идущая вперевалочку в желтых резиновых сапожках; Анук с Пантуфлем, неясный подскакивающий силуэт которого виднеется у нее за спиной; Анук, зажавшая в маленьком розовом

---

¹⁷ Дежурное блюдо (фр.).

¹⁸ Коврижку (фр.).

кулачке огромный ком сахарной ваты... Все это сейчас, конечно, ушло, точнее, уходит, скрывается за рядами будущих Анук – Анук тринадцатилетней, уже открывшей для себя мальчишков, Анук четырнадцатилетней, Анук – нет, это просто невозможно! – двадцатилетней, стремящейся куда-то к новым горизонтам...

Интересно, что она еще помнит из прошлого? Четыре года – большой срок для ребенка ее возраста, да она больше и не говорит ни слова ни о Ланскне, ни о магии, ни, увы, даже о Ле-Лавёз, хотя иногда у нее все же кое-что невольно проскальзывает – какое-то имя, какие-то воспоминания, – и эти случайные оговорки для меня свидетельствуют о многом, куда большем, чем думает она сама.

Но семь и одиннадцать – это весьма далекие друг от друга континенты. Надеюсь, я все же неплохо поработала. Во всяком случае, достаточно хорошо, чтобы удержать того зверя в клетке, а ветер – в состоянии относительного покоя, и пусть теперь деревня на берегу Луары представляется Анук всего лишь поблекшей открыткой, присланной с острова сновидений.

Вот так я и стерегу свою правду, а земля все продолжает вертеться со всем своим добром и злом, но мы держим наши колдовские умения при себе и никогда ни во что не вмешиваемся – никогда не пускаем их в ход даже ради друзей. И никогда не делаем даже таких пустячных магических жестов, как руна на счастье, небрежно начертанная на крышке конфетной коробки.

Я понимаю, это, в общем, небольшая плата почти за четыре года спокойной жизни. Но порой мне хочется знать: сколько мы уже заплатили за то, чтобы нас оставили в покое, и сколько еще придется платить?

Мать часто рассказывала мне одну старинную историю – о юноше, который прямо на дороге продал свою тень бродячему торговцу в обмен на дар вечной жизни. Он получил желаемое и пошел себе дальше, страшно довольный заключенной сделкой, – ну какая мне польза от тени, думал он, от нее явно имело смысл избавиться.

Но проходили месяцы, годы, и юноша начал кое-что понимать. Выйдя из дома, он не отбрасывал тени; ни в одном зеркале он не видел отражения своего лица; и ни в одном пруду, ни в одном озере, какой бы тихой ни была там вода, он не мог себя разглядеть. А вдруг я превратился в невидимку, как-то даже подумал он. В солнечные дни он старался не выходить из дому, избегал он также и лунных ночей, у себя дома разбил все зеркала, а окна изнутри закрыл ставнями – но ни удовлетворения, ни покоя это ему не принесло. Невеста его оставила; друзья состарились и умерли. А он все жил да жил в вечном полумраке своего дома, пока однажды в полном отчаянии не пошел к священнику и не признался в том, что совершил.

И священник, который в те дни, когда юноша заключил свою сделку, был еще молод, а теперь стал желтым, как старые кости, трясущимся стариком, только головой покачал и сказал ему:

– Ты, сынок, не торговца встретил тогда на дороге, а самого дьявола. Это с ним ты заключил сделку, а сделка с дьяволом обычно кончается тем, что люди теряют свою душу.

– Но ведь я отдал всего лишь тень! – запротестовал юноша.

И снова дряхлый священник покачал головой.

– Человек, который не отбрасывает тени, – это, если честно, и не человек вовсе, – сказал он и отвернулся, ничего более не прибавив.

Что ж, юноша вернулся домой. А наутро его нашли повесившимся на ветке дерева. И солнце светило прямо ему в лицо, а на траве у него под ногами лежала его длинная тонкая тень.

Это всего лишь притча, конечно, но отчего-то она постоянно приходит мне на ум, особенно по ночам, когда я не могу уснуть, а ветер тревожно завывает за окном. И тогда я сажусь в постели, поднимаю руки и проверяю, видна ли на стене моя собственная тень.

И я замечаю, что все чаще и чаще мне хочется проверить, есть ли тень у Анук.

Глава 3

31 октября, среда

Ну и дела! Вианн Роше. Надо же было сморозить такую глупость! И кто меня только за язык дернул. Ну почему я вечно несу всякую чушь? Я и сама часто не могу этого понять. Сказала потому, наверное, что мама подслушивала. И я очень рассердилась. Я теперь вообще часто сержусь.

И еще, возможно, из-за этих туфель. Ах, какие у нее были потрясающие туфельки! На высоких каблучках, ярко-красные, как помада, и блестящие, как леденец. Они сверкали на булыжной мостовой, точно драгоценные камни. Других таких туфель в Париже просто не встретишь. Во всяком случае, на обычных людях – уж точно. А мы и есть обычные люди – по крайней мере, мама так говорит, хотя порой по ее поступкам этого и не скажешь.

Ах, какие туфельки...

Цок-цок-цок – простучали они по камням мостовой и замерли прямо напротив нашей лавки, а их хозяйка принялась заглядывать внутрь.

Сначала, со спины, она даже показалась мне знакомой. Ярко-красное пальто в тон туфлям. Светло-каштановые, цвета кофе со сливками, волосы стянуты на затылке шарфом. Уж не нашиты ли у нее колокольчики на подол яркой юбки с набивным рисунком? Уж не позванивает ли на запястье браслет с амулетами? И что за слабое, едва заметное сияние окутывает ее, словно дымка, что повисает жарким днем над Парижем?

Наш магазин был закрыт по случаю похорон. Еще мгновение – и она бы ушла. А мне так хотелось, чтобы она осталась, вот я и сделала нечто такое, чего делать не полагалось, нечто такое, о чем, по мнению мамы, я уже и думать забыла, нечто такое, чего давным-давно не делала. Я скрестила пальцы у нее за спиной и быстро начертала в воздухе некий символ.

Ветерок, приносящий аромат ванили, и тертого мускатного ореха, и темных, поджаренных на слабом огне бобов какао.

Это не колдовство. Правда-правда. Это просто такой фокус, я в это просто играю. Настоящего колдовства вообще не существует – и все же моя магия действует. Иногда.

«Ты меня слышишь?» – спросила я. Не вслух, конечно, а как бы про себя, тенью своего настоящего голоса, которая звучит почти неслышно, точно легкое шуршание падающих листьев.

И она меня услышала! Я точно знаю. Она вздрогнула, обернулась и застыла, а я заставила нашу голубую дверь светиться, совсем чуть-чуть, и она засияла, как чистое осеннее небо. Я еще немного позабавилась с дверью – как с зеркальцем, когда пускаешь кому-то в лицо солнечные зайчики.

Запах древесного дыма над большой миской; рисунок, решительно нанесенный кремом, брызги сахарного сиропа. Горьковатый аромат апельсина, это твоё любимое, семидесятипроцентный черный шоколад, а внутри толстенькие ломтики апельсинов из Севильи. Попробуй. Вкуси. Испытай наслаждение.

Она обернулась. Я так и знала! Казалось, она была несколько удивлена, когда увидела меня, но все-таки улыбнулась. Я разглядывала ее лицо – голубые глаза, широкая улыбка, несколько веснушек на переносице; она понравилась мне сразу, как когда-то сразу понравился и Ру, в первый же день нашего с ним знакомства...

И тут она спросила меня, кто умер.

Я ничего не могла с собой поделать. Возможно, из-за этих ее туфель, возможно, потому что знала: мама стоит за дверью. Так или иначе, эти слова у меня просто вырвались, это получилось, как и с тем солнечным светом на створках двери, как с запахом дыма.

И как только я сказала: «Вианн Роше» – наверное, слишком громко сказала, – из-за двери появилась мама. В своем черном пальто, с Розетт на руках и с тем выражением на лице, какое бывает у нее, когда я плохо себя веду или когда с Розетт в очередной раз что-то случается.

– Анни!

Дама в красных туфельках посмотрела сперва на нее, потом на меня, потом снова на нее.

– Мадам... Роше?

Но мама уже взяла себя в руки.

– Это моя... девичья фамилия, – сказала она. – Теперь я мадам Шарбонно. Янна Шарбонно. – И она снова бросила на меня тот свой взгляд. – Боюсь, моя дочь не слишком удачно пошутила, – объяснила она даме в красных туфельках. – Надеюсь, она не слишком вам докучала своими шутками?

Дама рассмеялась; казалось, она вся превратилась в смех, улыбались даже ее красные туфельки.

– Ничуть она мне не докучала, – сказала она. – Я просто рассматривала ваш замечательный магазин.

– Не мой, – сказала мама. – Я здесь просто работаю.

Дама опять рассмеялась.

– Мне бы тоже хотелось здесь поработать! Между прочим, я действительно работу ищу, вот и застряла у вашей витрины, пожирая взглядом выставленные там шоколадки.

После этих слов мама немного расслабилась, поставила Розетт на землю и повернулась, чтобы запереть дверь. Розетт с серьезным видом разглядывала даму в красных туфлях. Та ей улыбнулась, но Розетт на улыбку не ответила. Она редко улыбается незнакомым людям. И мне почему-то было даже приятно, что Розетт ей не улыбнулась. Это ведь я ее нашла, думала я. Я ее здесь задержала. И пока что, пусть ненадолго, она принадлежит только мне одной.

– Вы ищете работу? – переспросила мама.

Дама кивнула.

– Моя приятельница, с которой мы вместе снимали квартиру, в прошлом месяце съехала, а я работаю официанткой и просто не могу в одиночку за такую квартиру платить. Меня зовут Зози, Зози де л'Альба, и, между прочим, шоколад я просто обожаю!

Ну разве она может кому-то не понравиться, думала я. У нее ведь такие голубые глаза, а улыбка – точно ломоть спелого, сахарного арбуза. Правда, улыбка эта несколько увяла, когда она посмотрела на объявление, висевшее на двери.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Я, кажется, совершенно не вовремя. Надеюсь, это не кто-то из ваших родных?

Мама снова подхватила Розетт на руки.

– Это мадам Пуссен. Она здесь жила. И она наверняка сказала бы, что этот магазин содержит она, хотя, если честно, проку от нее было чуть.

Я вспомнила мадам Пуссен, ее желтоватое, цвета алтея, лицо, ее передники в голубую клетку. Больше всего она любила розовые сливочные помадки и ела их куда чаще, чем следовало бы, хотя мама никогда ей ни слова на этот счет не сказала.

По словам мамы, на нее обрушился удар, что звучит, по-моему, очень даже неплохо. Удача ведь тоже обрушивается внезапно. Накрывает – как ласково накрывают одеялом спящего ребенка. Но потом до меня дошло, что больше мы мадам Пуссен никогда не увидим. Никогда. И я ощутила какое-то странное головокружение, словно у меня под ногами вдруг разверзлась бездна.

– Неправда, был от нее прок, был! – возразила я маме и заплакала. И тут же почувствовала ее руку у себя на плечах, и запах лаванды, и шуршание дорогого шелка, и она что-то тихо шепнула мне на ухо – какое-то заклинание, подумала я и слегка удивилась этому, словно вновь вернувшись в те дни, в Ланскне... Но стоило мне поднять глаза, и я поняла, что это вовсе не

мама, а Зози. Это ее длинные волосы касались моего лица, это ее красное пальто так и сияло на солнце.

А у нее за спиной стояла мама в своем траурном пальто, и глаза ее были темны, как ночь, так темны, что по ним ничего нельзя было прочесть. Она сделала шаг – по-прежнему держа на руках Розетт, – и я поняла, что, если я так и буду стоять, она обнимет нас обеих, и тогда уж я точно не смогу перестать плакать, хотя я, наверное, толком и не сумела бы объяснить ей, почему плачу. Нет, ни за что, только не сейчас, не перед этой дамой в леденцовых туфельках!

И я, резко повернувшись, бросилась бежать куда-то по пустынному переулку, сразу почувствовав себя свободной, как ветер. Мне нравится бежать: можно делать огромные прыжки, и, если раскинуть руки, чувствуешь себя воздушным змеем; можно пробовать ветер на вкус; можно попытаться обогнать мчащееся впереди тебя солнце; и порой мне это даже почти удается – обогнать и этот ветер, и это солнце, и собственную тень, что гонится за мной по пятам.

А знаете, у моей тени ведь имя есть. Пантуфль. У меня когда-то был любимый кролик, которого звали Пантуфль, так говорит мама, но сама я плохо помню, живой это был кролик или просто игрушка. «Твой воображаемый дружок» – так она порой называет Пантуфля, но я-то почти уверена, что он действительно всегда рядом – мягкой серой тенью следует за мной по пятам или, свернувшись в клубок, спит ночью в моей постели. Мне и теперь приятно думать, что он стережет мой сон или бежит вместе со мной, пытаясь обогнать ветер. Иногда я чувствую его присутствие. Иногда я по-прежнему его вижу – хотя мама утверждает, что это всего лишь плод моего воображения, и не любит, когда я говорю о нем даже в шутку.

А сама мама теперь почти никогда не шутит и не смеется так, как смеялась раньше. Возможно, она по-прежнему сильно тревожится из-за Розетт. Из-за меня-то она точно тревожится, это я знаю. Она говорит, что я чересчур легкомысленно отношусь к жизни. А это неправильно.

Интересно, а Зози серьезно относится к жизни? Да ладно! Не может этого быть, спорить готова. Разве можно серьезно относиться к жизни в таких туфлях? Наверняка она мне именно поэтому так и понравилась. Из-за этих красных туфелек, из-за того, как она заглядывала к нам в окно, из-за того, что она, несомненно, может видеть Пантуфля – не просто какую-то тень, а самого Пантуфля, следующего за мной по пятам.

Глава 4

31 октября, среда

В общем, приятно сознавать, что с детьми я обращаться умею. Впрочем, как и с их родителями; это часть моих магических знаний, моих чар. Видите ли, без умения применить чары в бизнесе далеко не уедешь, тем более в таком, как мой, когда окончательная цель – это нечто интимное, куда более важное, чем просто некая собственность; когда абсолютно необходимо вплотную соприкоснуться с той жизнью, которую собираешься взять себе.

Не то чтобы меня так уж сразу заинтересовала жизнь этой женщины. Во всяком случае, в первый момент нисколько. Хотя должна признаться, что я почти сразу была заинтригована. И разумеется, меня заинтриговала не усопшая. И даже не ее магазин – довольно хорошенький, но уж больно крошечный, слишком ничтожный для человека моих амбиций. А вот женщина эта действительно меня заинтриговала, как и ее дочка...

Вы верите в любовь с первого взгляда?

Думаю, нет. Я тоже. И все-таки...

Это сияние всех цветов радуги, которое я заметила за приоткрытой дверью. Этот мучительный намек на нечто такое, что ты едва успела одним глазком увидеть, но так и не смогла попробовать на вкус. И эти вздохи ветра над крыльцом. Все это пробудило сперва мое любопытство, а затем – и мою страсть к стяжательству.

Вы же понимаете, я не воровка. Прежде всего и главным образом я – коллекционер. Я, например, с восьми лет собираю магические амулеты для своего браслета, но теперь все больше увлекаюсь коллекционированием личностей: имен людей, их секретов, их историй, их жизней. О, разумеется, отчасти из соображений собственной выгоды. Но более всего меня увлекает сам процесс охоты, поиска, напряженного преследования добычи, соблазнения жертвы и финальная схватка с нею. Тот миг, когда пиньята наконец разлетается вдребезги...

Вот что я люблю больше всего на свете.

– Дети, – улыбнулась я.

Янна вздохнула.

– Они так быстро растут! Глазом не успеешь моргнуть, а их уже и нет рядом. – Девочка все бежала куда-то по переулку, и Янна крикнула ей: – Только не убегай слишком далеко!

– Никуда она не денется, – успокоила я.

Она, пожалуй, кажется более покорной, чем ее дочь. Но они очень похожи. У Янны черные волосы до плеч, прямые брови вразлет, глаза цвета горького шоколада. И такой же, как у Анни, алый, упрямый, великодушный рот с чуточку приподнятыми уголками губ. И такой же невнятно-иностранной, экзотической облик, хотя, если не считать того первого впечатления, которое произвели на меня яркие цвета за полуоткрытой дверью, я так и не сумела разглядеть в ней чего-нибудь загадочного. С виду в этой женщине нет ровным счетом ничего особенного: одежда, довольно поношенная, явно выписана по каталогу «Ла Редут», простой коричневый берет чуть сдвинут набок, туфли самые скромные.

Многое можно сказать о человеке, всего лишь взглянув на его туфли. Свои она наверняка тщательнейшим образом выбирала именно для того, чтобы ни в коем случае не выглядеть экстравагантно: черные, с округлым мыском, безжалостно обычные, вроде тех, которые ее дочь носит в школу. А в целом – каблук немного низковаты, одежда чересчур мрачных оттенков, никаких украшений, кроме простого золотого кольца на пальце, и совсем чуть-чуть макияжа, чтобы все же выглядеть прилично.

Девочке, которую она держала на руках, было от силы годика три. Такие же настороженные, как у матери, глаза, но волосы цвета только что разрезанной тыквы, а крошечная мордашка размером с гусиное яйцо вся усыпана абрикосовыми веснушками. Ничем не при-

мечательное маленькое семейство – по крайней мере, с первого взгляда; и все же я не могла отделаться от мысли, что есть в них нечто такое, чего я пока как следует разглядеть не в силах, некий слабый свет вроде того, что исходит и от меня самой...

Во всяком случае, подумала я, это явно стоит включить в коллекцию.

Женщина посмотрела на часы и крикнула:

– Анни!

В дальнем конце улицы Анни только рукой махнула – то ли от избытка чувств, то из чистого непослушания. Я заметила, что над ней вьется нечто вроде сияющей дымки, синей, как крыло бабочки, что лишь подтвердило мою уверенность в том, что им есть что скрывать. И в малышке тоже явственно чувствовался этот потаенный свет, а уж что касается матери...

– Вы замужем? – спросила я.

– Вдова, – сказала она. – Уже три года. Я после этого сюда и переехала.

– Вот как, – пробормотала я.

Вряд ли это правда. Чтобы казаться вдовой, мало черного пальто и обручального кольца; Янна Шарбонно (если это, конечно, ее настоящее имя) вдовой мне отнюдь не кажется. Других она, возможно, и сумела бы обмануть, но я-то вижу значительно глубже.

Да и зачем ей подобная ложь? Это же Париж, я вас умоляю! Здесь никого не отдают под суд за отсутствие брачного свидетельства. Интересно, какую маленькую тайну она скрывает? И стоит ли моих усилий раскрытие этой тайны?

– Нелегко, должно быть, тут магазин держать? – спросила я.

Монмартр ведь похож на странный маленький остров из камня – здесь особые туристы, особые художники, особые, совершенно средневековые, сточные канавы, особые нищие. Здесь даже выступления стриптизеров проходят по-особому, прямо на улице, под липами, а на симпатичных улочках по ночам вполне могут и бандиты напасть.

Янна улыбнулась.

– Здесь вовсе не так плохо.

– Правда? – удивилась я. – Но ведь теперь, когда мадам Пуссен умерла...

Она отвела глаза.

– Хозяин этого дома – наш друг. Он не выбросит нас на улицу.

Мне показалось, что она слегка покраснела.

– Неужели дела здесь и впрямь идут неплохо?

– Могло быть и хуже.

Ну да, туристы всегда готовы купить что-нибудь, даже если цена немислимо завышена.

– Но в общем, состояния мы здесь, разумеется, никогда не сколотим...

Что ж, я так и думала. Даже и стараться не стоит. Она, конечно, храбрится, но я-то вижу и ее дешевую юбку, и обтрепавшиеся обшлага на пока еще очень приличном пальтишке девочки, и выцветшую, неудобочитаемую деревянную вывеску над входом в лавку.

И все же было нечто странно привлекательное в этой витрине, загроможденной коробками и жестянками и украшенной по случаю Хэллоуина ведьмами и чертями из темного шоколада и цветной соломки, пухлыми тыквами из марципана и бисквитными черепами, обмазанными кленовым сиропом. Пока что я лишь это сумела разглядеть в щель между полузакрытыми ставнями.

И еще меня манил запах – чуть горьковатый запах яблок и жженого сахара, ванили и рома, кардамона и шоколада. Не могу сказать, что я так уж люблю шоколад, но все же от этого запаха у меня просто слюнки потекли.

Попробуй. Испытай меня на вкус.

Едва заметно шевельнув пальцами, я начертала в воздухе символ Дымящегося Зеркала – которое также называют Глазом Черного Тескатлипоки¹⁹, – и витрина на какую-то долю секунды ярко осветилась.

Моей собеседнице явно стало не по себе – она, видимо, тоже заметила эту вспышку, а малышка у нее на руках тихонько засмеялась, точнее, мяукнула и потянулась к витрине ручонкой...

Интересно, подумала я. И спросила:

– А что, вы все эти шоколадки сами делаете?

– Когда-то все сама делала. Теперь – нет.

– Нелегко вам, наверное, приходится.

– Ничего, я справляюсь.

Хм... очень интересно.

Но действительно ли она справляется? И будет ли справляться теперь, после смерти старой хозяйки магазина? Что-то я сомневаюсь. Нет, судя по ее виду, она с чем угодно способна справиться – такой у нее упрямый рот и спокойный взгляд. И все же есть в ней некая слабость. Некая слабость... А впрочем, может, как раз сила?

Нужно быть очень сильной, чтобы жить вот так, в одиночку поднимая в Париже двоих детей, все время и силы отдавая бизнесу, доходов от которого в лучшем случае едва хватает, чтобы заплатить за аренду помещения. Нет, ее слабость заключается совсем в другом. Это, во-первых, младшая дочка. Она за нее очень боится. Она за них обеих боится и цепляется за своих девочек так, словно их ветром унести может.

Я знаю, что вы сейчас подумали. Да только мне дела нет до ваших мыслей.

Что ж, можете считать меня любопытной, если хотите. В конце концов, я использую подобные тайны в личных целях. И не только тайны, но и мелкие предательства, расспросы, расследования, Не брезгую я и воровством, и крупными кражами; мне на руку всевозможные обманы и лукавства, скрытые пропасти и тихие омуты, плащи и кинжалы, потайные дверцы и запретные свидания, подглядывание из-за угла и в замочную скважину, различные подпольные операции, незаконный захват собственности, сбор различной информации и так далее, и тому подобное.

Неужели это так плохо?

Полагаю, что да.

Но Янна Шарбонно (или Вианн Роше) явно что-то скрывает от мира. Я прямо-таки чую запах ее многочисленных тайн, похожий на острый запах тех шутих, которыми обычно обвешана праздничная пиньята. Пущенный умелой рукой камень способен все их взорвать, вот тогда пиньята и покажет свое нутро, тогда мы и увидим, может ли кто-то вроде меня воспользоваться ее тайнами.

Мне просто очень интересно, вот и все: любопытство – обычное свойство тех счастливых, кому довелось родиться под знаком Самого Первого Ягуара.

И потом, она ведь явно лжет, верно? А если и есть на свете нечто такое, что мы, Ягуары, ненавидим больше, чем слабость, так это лжецы.

---

¹⁹ Тескатлипока («дымящееся зеркало») – в мифологии индейцев Центральной Америки божество, вобравшее в себя черты многих древнейших богов, в том числе бога грозы и ветра Хуракана. Он выступает в качестве бога ночи, покровителя разбойников и колдунов, олицетворяет зиму, север и ночное небо. Его двойник – ягуар. Тескатлипока считается как благотельным, так и зловредным божеством: он и творец мира, и его разрушитель; он судья, видящий все в ночи, и мститель за все злое, вездесущий и беспощадный. Исходно он был, видимо, хтоническим богом подземных сил и вулканов. Изображается с черным лицом (в качестве бога ночи), на которое иногда наносятся желтые поперечные полосы или пятна (как на шкуре ягуара). Его символ – зеркало с завитком дыма, в котором он может видеть все на свете. Иная его ипостась – красный Тескатлипока, слившийся с ним в процессе синкретизации с Шипе-Тотек, ацтекским божеством весенней растительности и посевов.

Глава 5

1 ноября, четверг

День всех святых

Сегодня Анук опять какая-то беспокойная. Возможно, из-за вчерашних похорон, а может, на нее просто этот ветер так действует. Такое с ней порой бывает, и она, готовая в любую минуту расплакаться, мечется, как дикая лошадка, становясь под воздействием этого ветра упрямой, безрассудной и чужой. Моя маленькая незнакомка.

Знаете, я часто ее так называла, когда она была еще совсем маленькой и на свете нас было только двое. «Маленькая незнакомка» – словно я у кого-то ее позаимствовала и когда-нибудь этот кто-то придет и заберет ее у меня. В ней всегда это было – и непохожесть на других, и особенный взгляд, когда кажется, что ее глаза видят все гораздо дальше и глубже, а мысли и вовсе бродят где-то за пределами нашего мира.

«Одаренная девочка, – говорит ее новая учительница. – Необычайно развитое воображение и удивительно обширный для ее возраста запас слов!» Но, говоря это, учительница смотрит так, словно богатое воображение подозрительно уже само по себе, словно это признак чего-то дурного.

Что ж, моя вина. Теперь-то я это понимаю. А тогда мне казалось совершенно естественным воспитывать ее согласно представлениям моей матери. Это обеспечивало определенную перспективу, позволяло иметь некие собственные традиции, как бы заключало нас в магический круг, внутрь которого остальной мир проникнуть не мог. Но если он не мог туда проникнуть, то и мы не могли выйти оттуда. Мы оказались пойманными в ловушку, заключенными в некий уютный кокон, который, впрочем, сами же и создали, и, став вечными чужаками, существовали как бы отдельно от всех.

Во всяком случае, так было еще четыре года назад.

Но с тех пор мы живем во лжи, уютной и удобной.

Пожалуйста, не смотрите так удивленно. Покажите мне любую мать, и я докажу вам, что она – лгунья. Мы рассказываем своим детям не о том, каков окружающий мир, а о том, каким ему следовало бы быть. Говорим, что там нет ни чудовищ, ни призраков, что если поступать хорошо, то и люди будут делать тебе добро, что Мать Божья всегда будет рядом и защитит тебя. И разумеется, мы никогда не называем это ложью – ведь у нас самые лучшие намерения, мы хотим своим детям только добра, – но тем не менее это самая настоящая ложь.

После того, что случилось в деревушке Ле-Лавёз, выбора у меня не осталось. Любая мать поступила бы точно так же.

– Что же это было такое? – все спрашивала у меня Анук. – Скажи, мам, неужели это из-за нас?

– Нет, это просто несчастный случай.

– Но тот ветер... ты же говорила...

– Ложись-ка лучше спать.

– А мы не могли бы немного поколдовать и как-нибудь это исправить?

– Нет, не могли бы. Да это и не колдовство, а просто детские забавы. Ни магии, ни колдовства не существует, Нану.

Она очень серьезно посмотрела на меня и сказала:

– Нет, существует. Так и Пантуфль говорит.

– Девочка моя дорогая, так ведь и самого Пантуфля тоже на самом деле не существует.

Нелегко это – быть дочерью ведьмы. Но быть матерью ведьмы еще труднее. Так что после происшествия в Ле-Лавёз я оказалась перед выбором. Если я скажу своим детям правду, то и их тоже приговорю к той жизни, какую всегда вела сама, – к вечным скитаниям, к полному

отсутствию стабильности, покоя и безопасности, к жизни на чемоданах, к тому, что им всегда придется бежать наперегонки с этим ветром...

Если я солгу – то мы будем как все.

И я лгала. Я лгала Анук. Я говорила ей, что все это выдумки. Что нет никакой магии; что колдовство бывает только в сказках. Что нет таких потусторонних сил, которые можно было вызвать условным стуком и проверить, на что они способны. Что не существует ни хранителей домашнего очага, ни ведьм, ни магических рун, ни заклятий, ни могущественных тотемов, ни волшебных кругов на песке. Все необъяснимое стало у нас называться Случайностью или Несчастливым Случаем – да, с большой буквы! – и неожиданная удача, и тайный зов, и дар богов. А также Пантуфель – низведенный до положения «воображаемого дружка», на которого теперь совсем не обращают внимания, хотя порой даже я все еще вижу его, пусть всего лишь краем глаза.

Но теперь, увидев его, я отворачиваюсь. И закрываю глаза, пока не исчезнут все цвета, все краски.

После Ле-Лавёз я убрала все те вещи с глаз долой, понимая, что Анук, возможно, будет возмущена – и даже на некоторое время меня возненавидит, возможно, – но все же надеялась, что когда-нибудь она поймет.

– И тебе ведь придется стать взрослой, Анук, и научиться отличать реальное от вымышленного.

– Зачем?

– Так лучше, – говорила я ей. – Подобные вещи, Анук... они как бы отделяют нас от других людей. И мы становимся не такими, как все. Неужели тебе нравится быть не такой, как все? Разве тебе не хочется жить вместе со всеми, хотя бы на этот раз? Завести друзей и...

– Но ведь у меня были друзья! Поль и Фрамбуаза...

– Мы не могли там оставаться. После того, что случилось, никак не могли.

– И еще Зезет и Бланш...

– Это вечные странники, Нану. Речной народ. Ты же не можешь всю жизнь прожить на таком суденышке – во всяком случае, если действительно хочешь ходить в школу...

– И Пантуфель...

– Воображаемые друзья не считаются, Нану.

– И еще Ру, мама. Ведь Ру был нашим другом.

Я промолчала.

– Ну почему, почему мы не могли остаться с Ру? Почему ты не сообщила ему, где мы?

Я вздохнула:

– Все это очень сложно, Нану.

– Я по нему скучаю.

– Я знаю.

Ну, для Ру вообще все очень просто. Делай что хочешь. Бери что хочешь. Держи путь туда, куда влечет тебя ветер. Для Ру этого вполне достаточно. Ему этого довольно для счастья. Но я-то знаю, что все иметь невозможно. Я пробовала идти этим путем. И знаю, куда он ведет. И как потом бывает тяжело, ох как тяжело, Нану.

Ру сказал бы: «Ты слишком много тревожишься». Ру с его вызывающе рыжими волосами, с его скупой улыбкой на его обожаемой речной посудине под вечно движущимися звездами. «Ты слишком много тревожишься». Возможно, он прав; несмотря ни на что, я действительно слишком много тревожусь. Меня тревожит то, что у Анук в новой школе нет друзей. И то, что Розетт, такая живая и умненькая, до сих пор не говорит, хотя ей уже почти четыре года, словно она – жертва какого-то злобного заклятия, некая принцесса, онемевшая от страха перед тем, что могут поведать ее уста.

Как объяснить это Ру, который ничего не боится, никем не дорожит и ни за кого не тревожится? Быть матерью значит жить в вечном страхе – в страхе перед смертью, болезнью, утратой, несчастным случаем, опасаясь любого чужака или того Черного Человека, страшаясь даже тех повседневных мелочей, которые каким-то образом ухитряются сильнее всего уязвить нас, – раздраженного взгляда, сердито брошенного слова, нерассказанной на ночь сказки, забытого поцелуя, того ужасного момента, когда для дочери мать перестает быть центром мира и становится просто еще одним спутником, вращающимся вокруг некоего солнца, менее важного, чем ее собственное.

Со мной этого еще не произошло, по крайней мере пока. Но я замечаю это в других детях; я вижу это в девочках-подростках с надутыми губами, мобильными телефонами и взглядом, исполненным презрения ко всему миру. Я разочаровала Анук; я это понимаю. Я не такая мать, какую она хотела бы. И в свои одиннадцать лет она, даже будучи такой умницей, все же слишком юна, чтобы понять, чем я пожертвовала и почему.

«Ты слишком много тревожишься».

Ах, если бы все было так просто!

«Но ведь это действительно просто», – звучит у меня в ушах его голос.

Когда-то, возможно, и я так думала, Ру. Но не теперь.

Интересно, неужели сам он ничуть не изменился? Ну а меня он, наверное, и вовсе не узнает. Я иногда получаю от него весточки – он раздобыл мой адрес у Бланш и Зезетт, – но очень короткие и только на Рождество и в день рождения Анук. Я пишу ему на адрес почтового отделения в Ланскне, зная, что он иногда проплывает мимо этого городка. О Розетт я ни в одном из своих писем не сказала ни слова. Как и о нашем домовладельце Тьерри, который проявил по отношению к нам столько доброты, великодушия и терпения, что у меня просто не хватает слов.

Тьерри Ле Трессе пятьдесят один год, он разведен, у него есть взрослый сын, он прилежно ходит в церковь и надежен, как скала.

Не смейтесь. Мне он очень нравится.

Интересно, а что он находит во мне?

Я теперь, глядя в зеркало, не вижу там себя; так, ничего не говорящее лицо женщины за тридцать. Самая обыкновенная женщина, не наделенная ни особой красотой, ни особым характером. Такая же, как все прочие; в сущности, именно такой я и хотела стать, но почему-то сегодня мысль об этом приводит меня в полное уныние. Возможно, на меня так подействовали похороны, и та печальная полутемная часовня, украшенная цветами, оставшимися от предыдущего покойника, и опустевшая комната наверху, и абсурдно громадный венок от Тьерри, и равнодушный священник с насморочным носом, и рев труб из потрескивающих усилителей, исполнявших «Нимрода» Элгара²⁰.

Смерть банальна, как утверждала моя мать незадолго до своей кончины в результате несчастного случая на оживленной улице в центре Нью-Йорка. А вот жизнь удивительна. И мы сами тоже удивительны, необыкновенны. Принять необычное – значит восславить жизнь, уверяла она.

Что ж, мама. Теперь все переменялось. В старые времена (не такие уж и старые, напоминаю я себе) вчера был бы веселый праздник. Ведь вчера был Хэллоуин, канун Дня всех святых, день магии и колдовства, день тайн и загадок. В этот день принято развешивать вокруг дома красные шелковые саше, чтобы отпугнуть зло, а на пороге оставлять рассыпанную соль, медовые пряники и вино; это день тыкв, яблок, шутих, аромата сосновой смолы и древесного дыма, ибо в этот день, как говорится, осень поворачивает на зиму. В этот день следовало бы петь

---

²⁰ Элгар Эдуард (1857–1934) – английский композитор, деятель движения за возрождение традиций английской народной и старинной профессиональной музыки.

и танцевать вокруг костров, и Анук в невероятном гриме и черных перьях должна была бы летать от дома к дому со своею свитой – Пантуфлем и Розетт, нарядной, важной, с фонариком в руках и со своим тотемом, у которого такая же рыжая шерстка, как ее волосы.

Хватит. Больно вспоминать те дни. Но покоя-то по-прежнему нет. Моя мать понимала причину этого – она двадцать лет убегала от Черного Человека; вот и я – хоть мне на какое-то время и показалось, что я его победила и отвоевала свое место в жизни, – тоже вскоре поняла: моя победа была всего лишь иллюзией. У Черного Человека множество лиц, множество последователей, и он отнюдь не всегда облачен в сутану священника.

Раньше я всегда считала, что боюсь их Бога. И прошло немало лет, прежде чем я поняла, что на самом деле я боюсь их доброты. Их благочестия. Их доброжелательной участливости. Их жалости. Все эти четыре года я чувствовала: они идут по нашему следу, вынюхивая, выискивая, подбираясь к нам все ближе. А уж после Ле-Лавёз они и вовсе почти нас настигли. У них такие добрые намерения, у этих Благочестивых: еще бы, они ведь желают моим прелестным детям только самого лучшего. И не намерены отступаться, пока не разорвут наши узы, пока и самих нас на куски не разорвут!

Возможно, именно поэтому я никогда полностью Тьерри и не доверяла. Доброму, надежному, солидному Тьерри, моему хорошему другу, с его неторопливой улыбкой, бодрым, веселым голосом и трогательной верой в то, что деньги – панацея от любой беды. О да, он готов нам помочь – он уже и так очень помог нам в этом году. Стоит мне сказать слово, и он снова поможет. И тогда все наши беды, возможно, останутся позади. Странно, почему я колеблюсь? И почему мне так трудно кому-то довериться? Признать наконец, что мне необходима помощь?

Но сейчас, в Хэллоуин, когда уже близится полночь и вокруг стоит тишина, мысли мои куда-то вдруг уплывают, и я, как это часто бывает в подобные моменты, начинаю думать о матери, о картах Таро и о Благочестивых. Анук и Розетт уже спят. Ветер внезапно улегся. Внизу, под нами, светящейся дымкой мерцает Париж. А темные улочки Монмартрского холма плывут над ним, точно иной, волшебный город, созданный из дыма и звездного света. Анук считает, что я давно сожгла гадальные карты: я не раскладывала их больше трех лет. Однако они по-прежнему у меня; это карты моей матери, они насквозь пропахли шоколадом и сильно залоснились.

Заветная шкатулка спрятана у меня под кроватью. От нее исходит аромат напрасно потраченных лет и сезона туманов. Я открываю ее – и вот они, карты, их старинные лики вырезаны из дерева несколько веков назад в городе Марселе. Смерть, Влюбленные, Башня, Шут, Волшебник, Повешенный, Перемена.

Это же не настоящее гадание, уговариваю я себя. И вытаскиваю их по одной, просто так, наугад, бесцельно, ничуть не задумываясь о последствиях. И все же не могу избавиться от мысли, что карты пытаются что-то сказать мне, что в них заключено некое послание.

И я их убираю. Зря только доставала. В былые времена я бы, конечно, отогнала ночных демонов с помощью заклятия – кыш, кыш, пошли прочь! – и исцеляющего напитка, а потом воскурила бы благовония и рассыпала на пороге соль. Но теперь я приобщилась к цивилизации, из целебных магических отваров признаю только ромашковый чай. Он помогает мне уснуть – хотя и не сразу.

Но всю эту ночь – впервые за много месяцев – мне снятся Благочестивые. Они выслеживают нас, они тайком крадутся по переулкам и задним дворам Монмартра, и я даже во сне жалею, что не бросила на крыльцо щепотку соли, не повесила над дверями мешочек с волшебными травами, оставила свой дом без защиты, и теперь ночь может незаметно войти к нам, привлеченная запахом шоколада.

Часть вторая

Самый первый ягуар

Глава 1

5 ноября, понедельник

Я, как всегда, поехала в школу на автобусе. Вы бы, наверное, и не догадались, что тут школа, если б не вывеска над входом. Все остальное скрыто высокими стенами, за которыми вполне могли бы находиться несколько офисов, или частный парк, или еще что-нибудь, но только не школа. Лицей Жюль Ренара не так уж и велик по парижским меркам, но для меня он – как целый город.

В Ланскне у нас во всей школе было человек сорок. А здесь восемьсот мальчишек и девчонок со всеми их шкафчиками для обуви, запасными комплектами учебников, ранцами, мобильниками, флаконами с дезодорантом, тетрадками, тюбиками гигиенической помады, компьютерными играми, секретами, сплетнями и враньем. У меня здесь только одна подруга – ну, почти что подруга – Сюзанна Прюдомм; она живет на улице Ганнерон, на той стороне, где кладбище, и иногда заходит к нам в *chocolaterie*.

У Сюзанны – ей нравится, когда ее называют Сюзи, – рыжие волосы, которые она ненавидит, и круглое веснушчатое лицо, и она все время собирается сесть на диету. А мне, пожалуй, ее волосы даже нравятся: они напоминают о моем друге Ру, – и, по-моему, она совсем не толстая, но отчего-то все время жалуется и на свои волосы, и на толщину. Какое-то время мы с ней очень хорошо ладили, но теперь она все чаще дуется на меня; а то вдруг ни с того ни с сего начнет говорить гадости или заявит, что больше не будет со мной разговаривать, пока я не сделаю так, как она хочет.

Сегодня она опять решила со мной не разговаривать. Это потому, что вчера я не согласилась пойти в кино. Но ведь билет в кино и так стоит довольно дорого, а там еще нужно покупать попкорн и кока-колу – ведь если я ничего не куплю, Сюзанна сразу заметит и в школе начнет отпускать всякие шуточки насчет того, что у меня вечно нет денег; и потом, там наверняка будет Шанталь, а Сюзанна сразу преобразается, если рядом Шанталь.

Шанталь – теперь ее лучшая подруга. У Шанталь всегда есть деньги на кино, и уж у нее-то волосы всегда лежат идеально. Она носит бриллиантовый крестик от «Тиффани»; когда учитель в школе потребовал, чтобы она сняла этот крестик, ее отец написал в редакцию газеты письмо: дескать, это позор, что его дочь тиранят за то, что она носит символ своей католической веры, тогда как девочкам-мусульманкам по-прежнему разрешают ходить в школу в платках. Это вызвало настоящий скандал; а потом и крестики, и головные платки носить в школе запретили. Только Шанталь свой крестик носит по-прежнему. Я сама видела его на ней в физкультурной раздевалке. А преподаватели делают вид, что ничего не замечают. Вот какое воздействие оказывает на них отец Шанталь.

«Просто не обращай на них внимания, – говорит мама. – Попробуй подружиться с кем-нибудь еще».

Можно подумать, я не пробовала! Но стоит мне завести себе новую подружку, и Сюзи тут же находит способ, чтобы ее от меня отвадить. Так уже не раз было. И главное, я никак не могу ткнуть в нее пальцем и сказать: «Это ты виновата». Она делает это исподтишка, но недоброжелательность сразу так и повисает в воздухе, точно запах духов. И те, кого ты считала своими друзьями, начинают тебя избегать и общаются только с нею; глазом моргнуть не успеешь, как они уже не твои, а ее друзья, а ты опять осталась одна.

В общем, весь сегодняшний день Сюзи разговаривать со мной не желала, на всех уроках садилась с Шанталь и на всякий случай так клала свой портфель, чтобы я не могла сесть с нею рядом, и стоило мне взглянуть в их сторону, как они, по-моему, начинали надо мной смеяться.

Да пусть смеются. Очень мне надо становиться такой же!

А потом я заметила: они уселись близко-близко, голова к голове, и на меня даже не смотрят, но уже по одному тому, как они на меня не смотрят, было ясно, что они опять надо мной смеются. Но почему? Что во мне такого смешного? Раньше-то я, по крайней мере, знала, чем отличаюсь от других. А теперь?..

Может, дело в моих волосах? Или в том, как я одета? Или это потому, что мы никогда ничего не покупаем в галерее Лафайет? И не ездим кататься на лыжах в Валь-д'Изер, и не проводим лето в Каннах? Может, на мне какой-то ярлык, как на дешевых «трениках», который словно предупреждает их всех, что я второго сорта?

Мама очень старалась мне помочь. Ничего такого необычного в моей внешности нет, и по моему виду нельзя предположить, что у нас совсем нет денег. Одежда у меня такая же, как и у всех. И школьная сумка тоже. Я смотрю те же фильмы, что и все, читаю те же книги, слушаю ту же музыку. Я должна была бы им подходить. И все-таки отчего-то не подхожу.

Все дело во мне. Я просто им не соответствую. Я вся какая-то другая – неправильной формы, не того цвета. И книги мне нравятся неправильные. И я тайком от них смотрю неправильные фильмы. Да, я другая, нравятся им это или нет, и не понимаю, с какой стати мне притворяться и под них подлаживаться!

Когда я сегодня утром вошла в класс, все играли теннисным мячом. Сюзи кидала его Шанталь, та – Люси, Люси – Сандрин, а затем мячик летел через весь класс к Софи. Никто ничего не сказал, когда я вошла. Они просто продолжали играть, но я заметила, что никто ни разу не кинул мяч мне, а когда я громко крикнула: «Давай сюда!» – все сделали вид, что не слышат. Выглядело это так, словно играют уже совсем в другую игру: никто ничего не говорил, но теперь, похоже, главным стало то, чтобы мяч ни в коем случае не попал ко мне в руки; они стали кричать: «Анни водит, Анни водит», так что я постоянно вскакивала и крутилась на месте, широко расставив руки и пытаюсь поймать мячик.

Я понимаю, что все это глупости. Что это всего лишь игра. Только в школе у меня каждый день так. У нас в классе двадцать три человека, и я всегда «третий лишний»: мне приходится сидеть за партой в одиночестве, потому что для меня нет пары; мне приходится делить компьютер с двумя другими учениками (обычно с Шанталь и Сюзи), а не с одним, как всем остальным; и обеденный перерыв я чаще всего провожу в библиотеке или одна, сидя на скамейке, а все остальные стайками ходят вокруг, смеются, болтают, играют в разные игры. Я бы не возражала, если б хоть иногда «водил» кто-нибудь другой. Но они никогда не «водят». Всегда только я.

И это не потому, что я какая-то там особо стеснительная. Нет, я люблю людей. И умею с ними ладить. И я люблю поболтать, поиграть на площадке в бейсбол или в дартс; я совсем не такая, как Клод, который так застенчив, что и слова не может вымолвить, даже заикаться начинает, стоит учителю задать ему какой-нибудь вопрос. Я не такая обидчивая, как Сюзи, и не такая воображала, как Шанталь. Я всегда готова выслушать человека, если он чем-то расстроен: когда Сюзи ссорится с Люси или Даниэль, она сразу бежит не к Шанталь, а ко мне, – но стоит мне решить, что отношения у нас с ней налаживаются, как она придумывает какую-нибудь новую пакость. Например, фотографирует меня своим мобильным телефоном в физкультурной раздевалке, а потом всем эти фотографии показывает. А если я прошу ее: «Сюзи, не делай этого», она снисходительно на меня смотрит и смеется: «Ты что, это же просто шутка», вот и приходится смеяться, даже если мне совсем не смешно, иначе скажут, что у меня нет чувства юмора. Но мне это действительно не кажется смешным. Как и та игра с теннисным мячиком – весело только тем, кто не «водит».

В общем, об этом я и размышляла, когда ехала домой на автобусе, а у меня за спиной сидели Сюзи и Шанталь и не переставая хихикали. Я на них не оглядывалась, притворялась, будто читаю книгу, хотя автобус то и дело подпрыгивал и так трясся, что у меня буквы расплывались перед глазами. Если честно, то дело было не только в этом, просто у меня на глазах были слезы; в итоге я просто отвернулась к окну и стала туда смотреть, хотя шел дождь и уже почти стемнело, серые парижские сумерки окутали все вокруг. Мы уже миновали станцию метро на улице Коленкур, следующая остановка была моя.

Может, мне теперь лучше на метро ездить? От станции метро до нашей школы не очень близко, но в метро мне нравится куда больше; мне нравится сладковатый запах на эскалаторах, похожий на запах печенья, и сильный поток воздуха, когда на станцию прибывает поезд, и кишащая толпа пассажиров. В метро можно встретить кого угодно, любых самых странных людей. Представителей любой расы, туристов, мусульманских женщин в чадрах, африканских торговцев, у которых карманы битком набиты поддельными наручными часами, резными украшениями из слоновой кости, всевозможными бусами и браслетами из раковин и бисера. Там встречаются мужчины, одетые как женщины, и женщины, одетые как звезды кино, там люди иногда едят очень странную еду прямо из коричневых бумажных пакетов, а у некоторых прически, как у панков, или все тело в татуировке, или кольца в бровях; там можно увидеть и нищих, и уличных музыкантов, и карманных воров, и пьяниц...

Но мама предпочитает, чтобы я ездила на автобусе.

Ну конечно. Кто бы сомневался.

Сюзанна у меня за спиной захихикала, и я поняла, что она снова сказала про меня какую-то гадость. Я встала и, не обращая на нее внимания, двинулась к переднему выходу.

И тут вдруг увидела Зози, стоявшую в проходе. Сегодня она свои до колена леденцовые туфельки не надела, зато на ней были сапоги на высоченной платформе, пурпурного цвета, с пряжками, короткое черное платье, надетое поверх лимонно-зеленого свитера с высоким горлом, а в волосах светилась ярко-розовая прядь. В общем, выглядела она сногшибательно!

И я не смогла удержаться – так ей и сказала.

Я была почти уверена, что она успела меня позабыть, но оказалось, что не забыла.

– Анни! Ты ли это! – Она чмокнула меня в щеку. – О, как раз моя остановка. А ты разве не выходишь?

Оглянувшись, я успела заметить, как устались на нас Сюзанна и Шанталь, от удивления они даже хихикать перестали. Впрочем, вряд ли кто-то из них решился бы смеяться над Зози. Да и она вряд ли обратила бы на них внимание, если б они даже и захихикали. Я видела, что Сюзанна так и сидит с раскрытым ртом (ей-богу, не самое лучшее выражение лица!), а Шанталь рядом с нею просто позеленела, став почти такого же цвета, как свитер Зози.

– Твои подружки? – спросила Зози, когда мы вышли из автобуса.

– Хм, вроде бы, – презрительно хмыкнула я.

Зози рассмеялась. Она вообще много смеется, даже, пожалуй, не смеется, а громко хохочет, и ее, похоже, ничуть не заботит, что на нее оглядываются. В сапогах на платформе она казалась очень высокой. Жаль, что у меня таких нет!

– А почему бы и тебе такие сапоги не завести? – спросила Зози.

Я только плечами пожала.

– Должна сказать, тебе бы это... весьма пошло. – Мне понравилось, как она это сказала: глаза у нее блестели так искренне, они никогда так не блестят у тех, кто над тобой подшучивает. – Но сейчас, вынуждена признать, вид у тебя самый что ни на есть обыкновенный. Улавливаешь мою мысль?

– Мама не любит, когда мы выглядим иначе, чем все остальные.

Зози удивленно вскинула бровь:

– Вот как?

И снова я лишь молча пожала плечами.

– Ну ладно. Каждому, как говорится, свое. Послушай, тут, чуть дальше, есть чудное маленькое кафе, где подают самые замечательные в мире пирожные с кремом – так, может, зайдем ненадолго, отпразднуем?

– Что отпразднуем? – не поняла я.

– А то, что я вскоре стану вашей соседкой!

Ну, я, разумеется, знаю, что никуда нельзя ходить с незнакомыми людьми. Мама достаточно часто это повторяет, да и невозможно жить в Париже, не приобретя привычки к осторожности. Но в данном случае все было иначе – это же была Зози! И кроме того, она пригласила меня в общественное место, в кафе «Английский чай», которого я прежде даже не замечала, где, по ее словам, подают совершенно восхитительные пирожные.

Одна я бы туда ни за что не пошла. В таких местах я всегда чувствую себя не в своей тарелке. Вот и теперь я нервничала – стеклянные столики, дамы в мехах, пьющие какой-то немислимый чай из тончайших фарфоровых чашечек, официантки в коротеньких черных платьицах... И все, словно не веря собственным глазам, дружно на нас уставились – на меня, одетую в школьную форму и растрепанную, и на Зози в ее пурпурных сапогах на платформе.

– Я обожаю это место, – тихо сказала мне Зози. – Здесь так весело. И здесь ко всему относятся так серьезно...

К ценам здесь, видимо, тоже относились очень серьезно. К моей жизни, во всяком случае, эти цены никакого отношения не имели: десять евро за чашку чая, двенадцать – за чашку горячего шоколада!

– Ничего страшного. Я угощаю, – успокоила меня Зози, и мы уселись за столик в углу, а надменная официантка, похожая на Жанну Моро²¹, вручила нам меню с таким видом, словно это причиняло ей невыносимые страдания.

– Ты знаешь Жанну Моро? – вдруг спросила Зози, удивленно на меня глядя.

Я кивнула, по-прежнему чувствуя себя не в своей тарелке, и сказала:

– Да, в «Жюле и Джиме» она просто потрясающая.

– Вот уж про Жанну Моро точно не скажешь, будто ей кочергу в задницу воткнули! В отличие от этой особы.

И Зози глазами указала на нашу официантку, которая, прямо-таки сияя, вилась теперь возле двух весьма дорогого вида крашенных блондинок.

Я не выдержала и фыркнула. Блондинки посмотрели на меня, потом на пурпурные сапоги Зози и дружно склонили головы друг к другу, и я тут же вспомнила Сюзи и Шанталь. У меня даже во рту пересохло.

Зози, должно быть, что-то прочла по моему лицу, перестала улыбаться и с озабоченным видом спросила:

– В чем дело?

– Не знаю... Просто показалось, что эти дамы над нами смеются.

Мне хотелось объяснить ей, что как раз в такие места и ходят Шанталь с матерью. И в обществе худющих дам в дорогом кашемире пастельных тонов пьют чай с лимоном, а на пирожные и внимания не обращают.

Зози элегантно скрестила свои длинные ноги и пояснила:

– Это потому, что ты не клон. Вот клонам здесь самое место. А всяким чудикам сюда вход воспрещен. Спроси-ка меня, кого я предпочитаю?

Я пожала плечами.

– Догадываюсь.

---

²¹ Моро Жанна (р. в 1928) – знаменитая французская актриса, снималась в фильмах Антониони, Трюффо, Маля, Бунюэля и др. Далее упоминается фильм Трюффо «Жюль и Джим» (1962 г.).

– Но до конца ты не убеждена. – Зози коварно улыбнулась. – Ладно, смотри.

И она слегка щелкнула пальцами, направив их на официантку, похожую на Жанну Моро. И в ту же секунду эта официантка поскользнулась на своих высоких каблуках и грохнула на столик чайник, полный лимонного чая, насквозь промочив скатерть и сильно обрызгав сумочки дам и их дорожные туфли.

Я молча посмотрела на Зози.

А она только улыбнулась в ответ.

– Хороший фокус, верно?

И тут я расхохоталась. Для всех, разумеется, это было чистой случайностью, которую никто не смог бы предвидеть, но я-то не сомневалась: именно Зози заставила чайник упасть, а официантку – суесться возле облитого чаем столика и блондинок в пастельном кашемире и дорожных туфлях. Чтобы никто больше не смел на нас глазеть или смеяться над вызывающими сапогами Зози!

Так что мы преспокойно заказали себе пирожные и кофе. Зози предпочла пирожное с кремом, заявив, что уж она-то никаких диет соблюдать не намерена, а я – миндальное. Мы пили кофе, ели ванильное мороженое и проболтали куда дольше, чем я думала; мы говорили о Сюзанне, о школе, о разных книгах, о моей маме, о Тьерри и о нашей chocolaterie.

– А здорово, должно быть, в магазине, торгующем шоколадом, – сказала Зози, надкусывая пирожное.

– Ничего, но в Ланскне было лучше.

Зози посмотрела на меня с явной заинтересованностью.

– Что такое Ланскне?

– Одно место. Мы там раньше жили. Это на юге. Вот там действительно было здорово!

– Неужели лучше, чем в Париже?

Она, казалось, была искренне удивлена.

И я рассказала ей о Ланскне и о нищем районе Марод на берегу реки, где мы с Жанно обычно играли; и об Арманде, и о речных людях, и о плавучем доме Ру со стеклянной крышей и прикрепленной к борту маленькой шлюпкой с маленькими легкими веслами, и о том, как мы с мамой готовили шоколад и поздним вечером, и ранним утром, так что все в доме пропахло шоколадом, даже пыль...

Позже мне и самой было удивительно, что я так разболталась. Вообще-то мне не полагалось об этом рассказывать, как и обо всех прочих местах, где мы жили до Парижа. Но с Зози я никакой опасности не чувствовала. Наоборот, с ней мне было совершенно спокойно.

– Но скажи: теперь, когда мадам Пуссен умерла, кто же будет помогать твоей матери? – спросила Зози, чайной ложечкой выбирая со дна остатки мороженого.

– Ничего, мы справимся, – сказала я.

– А Розетт уже ходит в школу?

– Нет еще. – Мне почему-то не хотелось рассказывать ей о Розетт. – Хотя она очень способная. И здорово умеет рисовать. И все может знаками объяснить. И даже слова в книжке пальчиком показывает, когда ей читаешь.

– Вы с ней не очень-то похожи.

Я пожала плечами и промолчала.

Зози остро на меня глянула, и глаза ее блеснули, словно она собирается еще что-то сказать. Но она так ничего и не сказала. Доела мороженое и вздохнула:

– Должно быть, плохо, когда отца нет.

Я опять пожала плечами. Разумеется, отец у меня есть – мы просто не знаем, кто он, – но уж это-то я точно не собиралась с ней обсуждать.

– Вы с матерью, наверное, очень близки?

– Угу, – кивнула я.

– Да, вот с ней вы как раз очень похожи... – Зози не договорила, улыбнулась, но как-то скованно, словно пытаясь решить в уме некий не дающий ей покоя вопрос. – Есть в вас обеих что-то такое – верно ведь, Анни? – чего я никак не могу определить...

Ну, тут уж я, разумеется, предпочла промолчать. Это всегда безопаснее, как говорит мама, иначе твои же слова потом могут использовать против тебя самой.

– Что ж, во всяком случае, ты точно не клон, в этом нет ни малейших сомнений. Мало того, я спорить готова: ты тоже кое-какие фокусы знаешь...

– Фокусы?

Я тут же вспомнила об официантке и разлитом лимонном чае. И отвернулась. И снова мне стало не по себе и страшно захотелось, чтобы нам поскорее принесли счет, можно было сказать «до свидания» и убежать домой.

Но наша «Жанна Моро» явно нас избегала; она болтала с барменом, смеясь и кокетливо отбрасывая назад волосы, как это иногда делает Сюзи, заметив неподалеку Жана-Лу Рембо (это один мальчик, который ей нравится). Кроме того, я заметила у официантов и официанток одну особенность: даже если они обслуживают вас вовремя, то счет все равно нести не спешат.

И тут Зози сделала какое-то маленькое движение скрещенными пальцами – такое незаметное, что я чуть его не пропустила. Такой крошечный жест, словно поворачиваешь выключатель в комнате, и «Жанна Моро» вздрогнула, обернулась, словно ее кто кольнул, и в ту же секунду принесла нам на подносе счет.

Зози улыбнулась и взяла свою сумочку. «Жанна Моро» ждала, причем с таким недовольным и скучающим видом, что я почти не сомневалась: сейчас Зози скажет что-нибудь этакое – в конце концов, человек, который запросто произносит слово «задница» в чопорном английском кафе, нигде не станет стесняться, если нужно будет высказать свое мнение.

Однако Зози ничего не сказала.

– Вот вам пятьдесят евро. Сдачу можете оставить себе.

И она вручила официантке банкноту в пять евро.

Вот это да! Даже мне было видно, что это пятерка. Я видела совершенно отчетливо, как Зози с улыбкой положила ее на поднос. Но официантка почему-то ничего не заметила. Она даже поблагодарила:

– Merci, bonne journée²².

А Зози снова незаметно шевельнула пальцами и как ни в чем не бывало убрала сумочку.

А потом она повернулась ко мне и подмигнула.

Секунду я колебалась; может, мне просто показалось? И вообще, это ведь могло получиться и чисто случайно – в конце концов, народу в кафе полно, официантка постоянно занята, всем людям свойственно иногда ошибаться...

Но после приключения с чайником...

А Зози продолжала улыбаться мне, как кошка, которая запросто может тебя оцарапать, даже если сидит у тебя на коленях и мурлычет.

«Фокусы» – так она сказала.

«Случайность», – подумала я.

Я вдруг пожалела, что пошла сюда; пожалела, что окликнула ее в тот день, когда впервые увидела у нашей витрины. Это всего лишь игра – это ведь даже не по-настоящему! – однако от этого исходит ощущение такой опасности, словно от спящего чудовища, которое можно сколько угодно пихать, толкать и дразнить, но только до тех пор, пока оно окончательно не проснется.

Я посмотрела на часы.

– Мне надо идти.

---

²² Спасибо, удачного дня (*фр.*).

- Анни, успокойся. Всего только половина пятого...
- Мама беспокоится, если я задерживаюсь.
- Пять минут роли не играют...
- Мне надо идти.

Наверное, я ожидала, что она как-нибудь меня остановит, заставит меня повернуть обратно, как ту официантку. Но Зози просто улыбалась, и я вдруг почувствовала себя полной дурой. Зря я все-таки поддалась панике! Ведь некоторые люди очень внушаемы. И эта официантка наверняка из таких. А может, они обе просто ошиблись... или, может, это я ошиблась?

Нет, я не ошиблась. Я это знала. И она тоже знала, что я все видела. По ней это было сразу заметно. Да и смотрела она на меня так – с этакой полуулыбкой, – словно мы с ней только что разделили нечто большее, чем просто пирожные...

Я знаю, это опасно. Но она мне так нравится. Действительно очень нравится.

И мне вдруг захотелось сказать ей что-нибудь такое, чтобы она поняла...

И я, повинувшись внезапному порыву, повернулась к ней и, увидев, что она все еще улыбается, весело спросила:

– Послушайте, Зози – это ваше настоящее имя?

– Послушай, – передразнила она меня, – а тебя действительно зовут Анни?

– Ну... – Я настолько опешила, что чуть было все ей не выложила. – Мои настоящие друзья зовут меня Нану.

– А их у тебя много? – с улыбкой спросила она.

Я рассмеялась и показала ей один-единственный палец.

Глава 2

6 ноября, вторник

Какая интересная девочка! В каком-то отношении она кажется младше своих сверстниц, но в чем-то другом она значительно их старше; она не испытывает ни малейшей трудности, разговаривая со взрослыми, а вот с детьми ей, похоже, зачастую сойтись сложно, она словно пытается опуститься до их уровня знаний. Со мной она вела себя совершенно открыто: была то смешливой и разговорчивой, то задумчивой и упрямой, но тут же инстинктивно насторожилась, стоило мне коснуться – хотя бы поверхностно – темы ее непохожести на других.

Разумеется, ни один ребенок не хочет, чтобы его считали не таким, как все остальные дети. Но осторожность Анни свидетельствует о чем-то гораздо более глубоком. Такое ощущение, будто она пытается скрыть от всех некое свое качество, которое, если его обнаружат, может оказаться весьма опасным для других людей.

Впрочем, другие люди, возможно, его и не заметят. Но я-то – не другие! И я чувствую, как сильно меня к ней тянет, так сильно, что я не могу этому противиться. Интересно, а она понимает, кто она такая? Сознает ли это хотя бы отчасти? Догадывается ли, что на самом деле таится в ее маленькой замкнутой душе?

Сегодня мы с ней снова встретились. Она возвращалась домой из школы и держалась со мной... нет, не то чтобы холодно, но, безусловно, куда менее сердечно, чем вчера, словно поняла, что преступила некую заповедную черту. Я уже сказала, какой это потрясающе интересный ребенок, и особый мой интерес связан именно с тем, что я отчетливо чувствую в ней некий вызов. По-моему, она вполне восприимчива к определенным соблазнам, но ведет себя осторожно, очень осторожно, придется действовать без спешки, если я не хочу ее отпугнуть.

Так что мы с ней просто немного поболтали – причем я ни разу не упомянула ни о ее непохожести на других, ни о том месте, которое она называет Ланскне, ни об их шоколадной лавке – и разошлись, но перед этим я успела сообщить ей, где теперь живу и работаю.

Работаю? Работа нужна каждому. Мне лично она служит как бы извинением, прикрытием для моих забав, позволяет находиться среди людей, наблюдать за ними, узнавать их маленькие тайны. В деньгах я, естественно, не нуждаюсь, а потому в принципе могу согласиться на любую работу, если это предложение меня устраивает. Собственно, это была единственная работа, которую любая девушка без труда может найти в таком месте, как Монмартр.

Да нет, это совсем не то, что вы подумали! Конечно же, я имела в виду работу официанткой!

Официанткой в кафе я уже работала, но очень давно. Теперь-то мне совсем не обязательно было этим заниматься – зарплата весьма посредственная, а рабочий день гораздо длиннее, – но, по-моему, роль официантки очень подходит Зози де л'Альба, а кроме того, это дает мне отличную возможность наблюдать за соседями.

Кафе «Крошка зяблик» приткнулось на углу улицы Фальшивомонетчиков; это весьма старомодное заведение, возникшее в те годы, когда Монмартр переживал не самую лучшую пору своей жизни и пользовался дурной репутацией; помещение довольно темное, с закопченными стенами, покрытыми толстым слоем жирной грязи и никотина. Его хозяину, Лорану Пансону, шестьдесят пять лет, он – уроженец Парижа, обладатель весьма воинственного вида усов и весьма скудных представлений о личной гигиене. Как и сам Лоран, его кафе привлекает в основном представителей старшего поколения – тех, кто предпочитает умеренные цены и привычное *plat du jour*; сюда также с удовольствием ходят такие эксцентричные особы, как я, которым нравится импозантная грубоватость хозяина и экстремистские высказывания его пожилых завсегдаев насчет политики.

Туристы предпочитают площадь Тертр с ее хорошенькими маленькими кафе и столиками в тени больших зонтов, расставленных прямо на мощеной мостовой. Они часто заходят также в роскошную кондитерскую в стиле ар-деко у подножия Холма, где потрясающий выбор пирожных, тортов и засахаренных фруктов. Или в магазин-кафе «Английский чай» на улице Раме. Но меня туристы не интересуют. Меня интересует chocolaterie на той стороне площади. Отсюда мне отлично видно, кто входит в лавку и выходит оттуда; я могу пересчитать всех покупателей, проследить за доставкой товаров и в целом познакомиться с ритмом ее скромной жизни.

Те письма, что я украла в самый первый день, в практическом отношении оказались почти бесполезными. Присланный по почте счет от 20 октября с пометкой «ОПЛАЧЕНО НАЛИЧНЫМИ» от фирмы «Sogar Fils», снабжавшей лавку различными товарами. Ну скажите, кто в наши дни платит наличными? Чрезвычайно непрактичная, бессмысленная форма оплаты – неужели у этой женщины нет счета в банке? – и главное, я-то осталась в прежнем неведении.

Во втором конверте была открытка с соболезнованиями по поводу кончины мадам Пуссен, с подписью «Тьерри» и с поцелуем в конце. Судя по почтовому штемпелю, открытку отправили из Лондона; а после легкомысленного «целую» было еще «вскоре увидимся, пожалуйста, ни о чем не беспокойся».

Ладно, это пока отложим, может, потом понадобится.

Третье послание – поблекшая открытка с видом Роны – оказалось еще менее информативным.

«Направляюсь на север. Заеду, если смогу».

Вместо подписи стояла буква «Р»; адресат обозначен только буквами «Я» и «А», написанными так небрежно, что «Я» куда больше походило, скажем, на «В».

В четвертом конверте были рекламные листовки с предложениями финансовых услуг.

И все же я уговариваю себя: не спеши, время еще есть.

– Эй! Ты-то мне и нужна!

Опять этот художник. Теперь я с ним уже хорошо знакома: его зовут Жан-Луи, а его друга в берете – Пополь. Я часто вижу их в «Зяблике», они пьют пиво и пытаются уболтать богатых посетительниц. Пятьдесят евро за набросок карандашом – ну, скажем, десять за набросок и сорок за лесть, – и они прямо-таки оглушат вас своими разглагольствованиями об изящных искусствах. Жан-Луи – прирожденный чаровник, особенно легко попадают к нему на крючок всякие простушки; по-моему, главной основой его успеха как раз и является эта настойчивость, а не талант.

– Я все равно ничего у тебя не куплю, так что не трать времени зря, – заявила я, увидев, что он уже открыл свой этюдник.

– Тогда я продам твой портрет Лорану, – сказал он и подмигнул мне. – Или себе на память оставлю.

Пополь взирал на все это с полнейшим равнодушием. Он старше своего дружка и ведет себя гораздо спокойнее. Он вообще говорит мало, стоит себе перед мольбертом где-нибудь в уголке и, сердито хмурясь, на него смотрит, время от времени начиная что-то яростно чиркать карандашом или с пугающей интенсивностью малевать красками. У него устрашающего вида усы, и ему ничего не стоит заставить своих заказчиков сидеть неподвижно, пока он, насупившись и что-то гневно бормоча себе под нос, не завершит работу. Зачастую изображенная на полотне или бумаге фигура обладает столь причудливыми пропорциями, что, по-моему, заказчики просто от испуга почтительно с ним расплачиваются.

Пока я пробиралась между столиками кафе, Жан-Луи продолжал набрасывать карандашом мой портрет.

– Предупреждаю: я запишу это тебе в долг, – сказала я. – За позирование.

– А ты посмотри на эти лилии, – легкомысленным тоном возразил Жан-Луи. – Они же не трудятся, но и не требуют платы за то, что кто-то ими любит.

– У лилий не бывает счетов, которые нужно оплачивать.

Утром я зашла в банк. На этой неделе я заходила туда каждый день. Ведь если бы я сразу сняла со счета двадцать пять тысяч евро наличными, это, безусловно, привлекло бы ко мне совершенно ненужное внимание, а если снимать часто, но понемногу – по одной, по две тысячи, – об этом вряд ли вспомнят уже к концу рабочего дня.

Хотя излишне расслабляться все же никогда не стоит.

Так что в банк я вошла не как Зози, а как та бывшая моя коллега, на имя которой я и открыла счет, – Барбара Бошан, секретарша с безупречной банковской историей. Ради этого я специально оделась тускло и невыразительно. Как известно, стать абсолютно невидимой невозможно (не говоря уж о том, что это чрезвычайно подозрительно), а вот сделать свой облик тусклым и неприметным может любой человек, и одетая столь неопределенным образом женщина, в шерстяной шляпке и перчатках, может практически всюду сойти за невидимку.

Именно поэтому я сразу, еще у стойки, все и почувствовала: некое странное, слишком пристальное внимание, тревогу, читавшуюся в цветах их аур, какие-то необычные запахи и звуки. И наконец меня попросили подождать – чего никогда раньше не было! – пока принесут требуемую сумму наличными.

Я не стала ждать подтверждения моих подозрений и вышла из банка сразу же, как только кассир от меня отвернулся. Затем сунула чековую книжку и кредитную карточку в конверт и опустила его в ближайший почтовый ящик. Адрес я, естественно, указала фиктивный – требование вернуть незаконным образом снятые со счета деньги еще месяца три будет кочевать по почтовым отделениям, пока не окажется среди не востребовавшихся писем, где его уже никому не найти. Если мне когда-нибудь понадобится отделаться от очередного тела, я поступлю точно так же: тщательно упакую руки, ступни и куски торса и разошлю по вымышленным адресам, и они будут бродить по всей Европе и возвращаться обратно, пока полиция тщетно будет искать опустевшую могилу.

Нельзя, правда, сказать, что убийства мне по вкусу. И все же, как говорится, не зарекайся. Я нашла подходящий магазин одежды, где можно было вновь превратиться из мадам Бошан в Зози де л'Альба, и кружным путем, внимательно приглядываясь к любой подозрительной мелочи, вернулась в свою жалкую квартирку – «ночлег и завтрак» – у подножия Монмартрского холма, чтобы как следует подумать о будущем.

Черт побери!

Двадцать две тысячи евро так и остались на фальшивом счете мадам Бошан – эта сумма стоила мне полгода надежд, намерений и расследований, а также долгой работы над очередной своей ролью. Но теперь мне эти денежки, разумеется, не забрать, хотя вряд ли меня можно будет узнать по нечеткой видеозаписи, сделанной банковской камерой слежения; скорее всего, этот счет просто был уже заморожен в связи с начатым полицейским расследованием. А значит, двадцать две тысячи потеряны навсегда и я осталась ни с чем, если не считать еще одного амулета на моем магическом браслете – крошечной мышкы, как ни странно полностью соответствующей облику бедняжки Франсуазы.

Самая же печальная истина, повторяю я себе, в том, что у истинного мастерства больше нет будущего. Шесть зря потраченных месяцев – и снова я у разбитого корыта. Ни денег, ни достойной жизни.

Ну, последнее-то вполне поправимо. Требуется всего лишь немножко вдохновения. Итак, начнем с этой шоколадной лавки, верно? С этой Вианн Роше из Ланскне, которая по неведомым пока причинам переименовала себя в Янну Шарбонно, мать двоих детей, уважаемую вдову, ныне проживающую на Монмартрском холме.

Неужели я почувствовала в ней родственную душу? Нет. Зато некий вызов распознала сразу. И хотя в данный момент эта chocolaterie едва позволяет Янне сводить концы с концами, жизнь ее все же представляется мне не лишенной привлекательности. И разумеется, меня весьма интересуют ее дочка. Очень интересуют!

Я живу недалеко от бульвара Клиши, в десяти минутах ходьбы от площади Фальшивомонетчиков. У меня две комнатки размером с почтовую марку, куда ведут четыре пролета узкой лестницы, но это жилье достаточно дешевое, так что вполне мне подходит, да и место укромное, и никто здесь меня не знает. Отсюда я могу наблюдать за близлежащими улицами, здесь я могу совершенно спокойно обдумывать свои доходы и расходы, вынашивать планы и постепенно становиться персонажем задуманного сценария.

Это, конечно, не квартира на Холме, которая мне совершенно не по карману. И вообще, если честно, это довольно ощутимый шаг вниз после той симпатичной квартирки в 11-м округе, где жила Франсуаза Лавери. Но Зози де л'Альба там не место, ей вполне подходит скромненький, так сказать, стульчик на дальнем конце стола. В соседях у меня кого только нет – студенты, владельцы магазинов, иммигранты, всевозможные массажистки (как с лицензией, так и без). Вокруг, буквально на каком-то пяточке, уместилось полдюжины разных церквей (разврат и религия – сиамские близнецы, как известно); мусора на нашей улице больше, чем опавших листьев, и над ней висит вечный запах сточных канав и собачьего дерьма. На этой стороне Холма хорошенькие маленькие кафе сменяются дешевыми забегаловками и палатками, торгующими без лицензии, вокруг которых по ночам кучкуются бродяги; они пьют дешевое красное вино из бутылок с пластиковыми пробками, а потом заваливаются спать прямо у дверей, закрытых стальными жалюзи.

Мне, наверное, очень скоро все это надоест, но сейчас нужно на время залечь, чтобы интерес к мадам Бошан и Франсуазе Лавери сам собой улегся. Лишний раз проявить осторожность, мне кажется, не помешает, да и мать моя всегда повторяла, что вишни следует рвать не торопясь.

Глава 3

8 ноября, четверг

Ожидая, пока мои вишни созреют, я ухитрилась собрать довольно много сведений о тех, кто проживает на площади Фальшивомонетчиков. Мне их сообщила мадам Пино, маленькая женщина, похожая на куропатку, которая держит магазинчик, торгующий газетами, журналами, сувенирами и всякой всячиной, и обожает сплетни; она-то и познакомила меня заочно с соседями – разумеется, в ее собственном восприятии.

Благодаря ей я узнала, что Лоран Пансон посещает бар для холостяков; что толстый молодой человек, работающий в итальянском ресторане, весит более трехсот фунтов, но по крайней мере два раза в неделю заходит в мою chocolaterie; что женщину с собакой, которая бывает там каждый четверг около десяти утра, зовут мадам Люзерон, что ее муж в прошлом году скончался от удара, а сын умер давно, когда ему было всего четырнадцать лет. По словам мадам Пино, она каждый четверг ходит на кладбище, ведя на поводке свою «глупую собачонку», и ни одного четверга ни разу не пропустила, бедняжка.

– А что известно о теперешней хозяйке chocolaterie? – спросила я, беря с полки «Пари матч» (ненавижу «Пари матч»!).

На остальных полках, ниже и выше, расположились всякие религиозные побрякушки: пластмассовые Богородицы, дешевая керамика, шарики со «снегом» и собором Сакре-Кёр внутри, медальоны, распятия, четки, всевозможные благовония. Я подозреваю, что мадам Пино – самая настоящая ханжа: она только глянула на обложку моего журнала (с фотографией Стефании, принцессы Монако, радостно скачущей в бикини по какому-то пляжу) и сразу осуждающе поджала губы куриной гузкой.

– Да о ней, пожалуй, и сказать-то нечего, – нехотя ответила она. – Муж у нее умер. Говорят, где-то на юге. Но она оказалась живучей, как кошка, которая всегда на четыре лапы падает. – Ее болтливый рот опять стал похож на куриную гузку. – Пари держу, она скоро опять замуж выскочит!

– Вот как?

Мадам Пино кивнула.

– Ну да, за Тьерри Ле Трессе. Дом-то ему принадлежит. Мадам Пуссен он его задешево сдавал, потому что она вроде бы с его матерью дружила. Там он с мадам Шарбонно и познакомился. Я другого такого трудяги в жизни не встречала... – Она со звоном выбила мне чек. – Вот только он, по-моему, не представляет себе, что его ждет! Она-то ведь лет на двадцать его моложе, а он вечно занят, вечно при деле... Да еще у нее двое детишек, и одна из девочек не такая, как все...

– Не такая? – переспросила я.

– Ой, разве вы не слышали? Бедняжка. Такое для любого тяжкая ноша, так ведь и это еще не все! Магазин-то еле дышит – еще бы, при таких-то накладных расходах! Да еще и за отопление нужно платить, и за аренду, и...

Я не стала ее прерывать: пусть поговорит вволю. Без сплетен такие, как мадам Пино, просто жить не могут; по-моему, я тоже успела дать ей немало пищи для размышлений. Моя розовая прядь в волосах и пурпурные сапоги – тема весьма многообещающая. Затем я сердечно с ней попрощалась и вышла из магазина, чувствуя, что взяла неплохой старт, а потом вернулась в «Крошку зяблика», где теперь работаю.

Это кафе оказалось на редкость удобным наблюдательным пунктом. Отсюда мне отлично видно, кто бывает в chocolaterie у Янны, я могу следить за доставкой товаров и не спускать глаз с ее детей.

Малышка, по-моему, – сущее наказание: не шумная, но страшно проказливая; несмотря на крохотный рост, она оказалась старше, чем я предполагала. По словам мадам Пино, ей уже года четыре, но говорить она пока не умеет, хотя вполне успешно пользуется языком жестов. Этот ребенок «не такой, как все», повторяет мадам Пино с той неприязненной легкой усмешкой, с какой она обычно говорит и о чернокожих, и о евреях, и о любителях путешествий, и даже о людях, вполне политически корректных.

Не такая, как все? Это несомненно. Но насколько эта девочка отличается от других, мне еще предстоит узнать.

Разумеется, я наблюдаю и за Анни. Из окон «Зяблика» мне видно, как она утром, часов в восемь, уходит в школу и возвращается примерно в половине пятого; при встречах она вполне живо болтает со мной об уроках, о приятелях, об учителях, о тех, кого она видит в автобусе. Что ж, по крайней мере, начало положено, но я по-прежнему чувствую: она пытается что-то от меня скрыть. Отчасти мне это даже нравится. Я могла бы использовать таящуюся в ней силу – при правильном воспитании она, не сомневаюсь, далеко пойдет – ну и потом, как известно, самое интересное в процессе совращения – это не финал, а охота на жертву.

Однако мне уже стала надоедать работа в «Крошке зяблике». Жалованье за первую неделю с трудом покрывает мои расходы, а угодить Лорану оказалось крайне сложно. Но хуже всего то, что я ему явно приглянулась – это заметно по тому, как он стал заботиться о своей внешности, прилизывать волосы и так далее.

Я знаю, мое дело всегда связано с риском. Вот на Франсуазу Лавери мой нынешний хозяин никогда бы внимания не обратил. И совсем другое дело – Зози де л'Альба; она очаровательна, хотя он этого и не понимает. Иностранцев Лоран недолюбливает, а у Зози еще и внешность какая-то цыганская, а он цыганам никогда не доверял...

И все же впервые за много лет он, к собственному удивлению, стал задумываться, что бы ему надеть; он откладывает в сторону один галстук за другим – этот слишком кричащий, этот слишком широкий, он размышляет, пойдет ли ему тот или иной костюм, он с подозрением прихвливается к туалетной воде, которой в последний раз пользовался, собираясь в церковь на чью-то свадьбу, и замечает, что теперь она приобрела довольно противный кисловатый запах и оставляет коричневые пятна на чистой белой сорочке...

Обычно я вполне способна поощрить подобное к себе отношение, подыграть старику, подогреть его тщеславие в надежде на несколько легких краж – кредитной карточки, или небольшой суммы денег, или даже спрятанной в тайнике шкатулки с золотыми монетами, – уж о такой-то краже Лоран никогда бы не заявил в полицию.

В любом другом случае я бы, конечно, именно так и поступила. Но таких мужчин, как Лоран, пруд пруди. А вот таких женщин, как Янна...

Несколько лет назад, когда я носила совсем другое обличье, я как-то пошла в кино на фильм о древних римлянах. Фильм оказался удручающим во всех отношениях: каким-то слишком прилизанным, с фальшивой кровью, с типично голливудской расплатой за грехи и спасением главного героя. Но более всего меня поразили своим неправдоподобием сцены с гладиаторами и еще – зрители на трибунах, созданные с помощью компьютерной графики: они кричали, смеялись и размахивали руками совершенно одинаково и в строго определенных моменты, точно оживший рисунок на обоях. Я тогда, помнится, все удивлялась: неужели создателям этого фильма никогда не доводилось наблюдать за настоящей толпой? Я-то наблюдала, и не раз – мне как раз зрители обычно гораздо интереснее, чем само представление, – и хотя в данном случае «зрители» фон вполне оживляли, но были абсолютно лишены индивидуальных черт, да и поведение их отнюдь не отличалось естественностью.

В общем, Янна Шарбонно напоминает мне тот продукт компьютерной анимации. Или неудачный плод чьего-то воображения. Случайному наблюдателю Янна может показаться фигурой вполне реальной, а на самом деле она всего лишь рисованный персонаж, действующий

щий исключительно по велению своего создателя. К тому же я не вижу у нее ауры, а если аура у нее все-таки есть, то, значит, она мастерски научилась скрывать ее за своими ничего не значащими действиями, как за надежным щитом.

Зато в ее детях так и светится яркая индивидуальность. У детей вообще аура обычно гораздо ярче, чем у взрослых, но Анни, безусловно, сильно выделяется даже среди детей: ее аура цвета крыла синей бабочки, беспечно порхающей в поднебесье.

Кроме того, у нее имеется и кое-что поинтересней – нечто вроде тени, следующей за ней по пятам; я эту «тень» видела не раз, когда они с Розетт играли в переулке возле chocolaterie. Пышные «византийские» волосы Анни вспыхивали золотыми искрами в лучах полуденного солнца, она держала сестренку за руку, а маленькая Розетт с наслаждением топала прямо по лужам и по пестрым мокрым булыжникам в своих ярко-желтых резиновых сапожках.

Чья же это тень? Кошки, собаки?

Ладно, это мы выясним. Выясним непременно, дайте мне только время. Дай мне время, Нану. Просто дай мне время.

Глава 4

8 ноября, четверг

Тьерри сегодня вернулся из Лондона – принес целый мешок подарков для Анук и Розетт и дюжину желтых роз для меня.

Было уже четверть первого, и я минут через десять собиралась закрываться на обеденный перерыв. Я как раз перевязывала розовой лентой подарочную коробку с миндальным печеньем, мечтая хотя бы часок провести спокойно с детьми (в четверг Анук в школу не ходит). Привычным жестом, повторенным тысячи раз, я завязала красивый бант и провела по туго натянутым концам ленты острием ножниц, чтобы получился красивый завиток.

– Янна!

Ножницы выскользнули из рук, испортив завиток.

– Тьерри! Ты же только завтра должен был приехать!

Тьерри – мужчина крупный, высокий и немного тяжеловесный. В своем кашемировом пальто он практически заполнил собой весь небольшой дверной проем. У него открытое лицо, голубые глаза и густые каштановые волосы, почти не тронутые сединой. Но его руки богача по-прежнему привыкли работать: ногти тщательно отполированы, а на ладонях мозоли и трещины. От него исходит запах сухой штукатурки, кожи, пота, *jam-bon-frites*²³ и, временами, преступно-запретный аромат толстой сигары.

– Я по тебе соскучился, – сказал он и поцеловал меня в щеку. – Прости, что не сумел вернуться к похоронам. Что, было ужасно?

– Нет. Просто очень печально. Никто не пришел.

– Выглядишь ты просто потрясающе, Янна. И как только тебе это удастся? Как дела в магазине?

– Нормально.

На самом деле это далеко не так: покупательница, которую он видел, была лишь второй за сегодняшний день, не считая тех, кто заходил просто посмотреть. Но это хорошо, что я была занята, когда в лавке появился Тьерри, – миндальное печенье у меня покупала какая-то девушка-китаянка в желтом пальто, она, несомненно, с удовольствием его съест, но, на мой взгляд, ей куда больше понравилась бы клубника в шоколаде. Впрочем, не важно. Мне нет до этого дела. Больше уже нет.

– Где девочки?

– Наверху, – сказала я. – Телевизор смотрят. Как тебе Лондон?

– Потрясающе. Надо было и тебе поехать.

Между прочим, Лондон я знаю достаточно хорошо:

мы с матерью почти год там прожили. Не знаю даже, почему я ему об этом не сказала, почему вообще позволяла ему сохранять уверенность в том, что я родилась и выросла во Франции. Наверное, тоже из-за стремления быть как все, а может, боялась, что, если упомяну о своей матери, он, возможно, станет смотреть на меня совсем другими глазами.

Тьерри – человек солидный. Сын каменщика, выбившийся в люди благодаря удачно приобретенной собственности, он крайне мало подвержен воздействию необычного и неопределенного. У него и вкусы стандартные. Он любит хороший стейк, пьет красное вино, обожает детей, неуклюжие каламбуры и дурацкие песенки, предпочитает, чтобы женщины носили юбки, ходит к мессе, хотя, скорее, в силу привычки; относится к иностранцам без предубеждения, но предпочел бы пореже видеть их рядом с собой. Мне он действительно нравится – и все же мысль о том, чтобы довериться ему... или кому-либо другому...

---

²³ Свиной окорок с жареной картошкой (*фр.*).

Впрочем, особой потребности в этом у меня нет. Конфиденты мне никогда не требовались. У меня есть Анук. У меня есть Розетт. Разве мне когда-либо нужен был кто-то еще?

– Что-то ты невеселая, – сказал он, когда девушка-китаянка ушла. – Может, пообедаем вместе?

Я улыбнулась. В мире Тьерри обед – лучшее лекарство от грусти. Есть мне не хотелось, но либо придется обедать с ним, либо он так и проторчит в магазине весь день. Так что я позвала Анук, затем – уговорами и силой – запихнула Розетт в ее пальтишко, и мы двинулись через улицу в кафе «Крошка зяблик», которое очень нравится Тьерри своей «очаровательной обшарпанностью» и жирной едой на грязноватых тарелках, но – по тем же причинам – совершенно не нравится мне.

Анук казалась какой-то беспокойной, а Розетт и вовсе пропустила дневной сон, но Тьерри еще не все выложил мне о своей поездке; на него огромное впечатление производят толпы народа на улицах Лондона, его архитектура, театры и магазины. Его компания восстанавливает и обновляет несколько офисных зданий близ вокзала Кингс-Кросс, а поскольку Тьерри любит сам присматривать за работой, он каждый понедельник отправляется туда на поезде, а домой возвращается только на уик-энд. Его бывшая жена Сара и сын до сих пор живут в Лондоне, но Тьерри все старается убедить меня (словно я в этом нуждаюсь), что они с Сарой давно уже стали чужими друг другу.

А я ничуть в этом и не сомневаюсь: Тьерри вообще увертки не свойственны. Больше всего он любит простой молочный шоколад – плитки в обертке, каких полно в любом супермаркете. Не более 30% чистого какао. Если дать ему попробовать более горький шоколад, он скривится, как маленький мальчик, и высунет изо рта язык, показывая, что ему невкусно. Мне нравится энтузиазм Тьерри, а его душевной простоте и полному отсутствию всякого коварства я даже завидую. И возможно, зависть эта сильнее моей любви к нему – но разве это так уж важно?

Мы познакомились с ним в прошлом году, когда у нас вдруг потекла крыша. Большинство домовладельцев в лучшем случае прислали бы рабочего-кровельщика, но Тьерри и мадам Пуссен были давно знакомы (он рассказывал, что она старинная подруга его матери), так что крышу он починил сам, а потом остался выпить горячего шоколада и поиграть с Розетт.

Мы дружим двенадцать месяцев и уже успели превратиться в «старую супружескую пару» со своими любимыми местами и удобными привычками, хотя Тьерри еще ни разу не оставался у меня на ночь. Он считает меня вдовой и трогателен в своем желании «дать мне время». Но я-то вижу, чего он хочет, хоть ничего и не говорит вслух и ничем свои намерения не подтверждает, – так может, это было бы не так уж и плохо?

Он лишь однажды затронул эту тему, упомянув о том, что его роскошной квартире на улице Святого Креста, куда он приглашал нас множество раз, совершенно необходима «женская рука».

Женская рука. Экое старомодное выражение. С другой стороны, Тьерри и сам весьма старомоден. Несмотря на всю свою любовь к техническим новинкам – мобильному телефону и сверхмодному мини-плееру, он остается верен старым идеалам и прежним, более простым, временам.

Простым. В том-то все и дело. Жизнь с Тьерри была бы очень простой. Всегда хватало бы денег на все необходимое. И арендная плата за chocolaterie всегда вносилась бы вовремя. Анук и Розетт окружали бы любовь и забота. А если он будет любить их – а заодно и меня, – то разве этого не достаточно?

«Неужели тебе действительно этого достаточно, Вианн? – прозвучал у меня в ушах голос матери, странно похожий на голос Ру. – Помнится, когда-то тебе хотелось большего».

«Как и тебе, мама?» – безмолвно отвечаю я. В те времена, когда ты таскала меня, совсем маленькую, с места на место и мы вечно от чего-то убегали, вечно находились в пути, жили – увы – тем, что удавалось добыть. Ты воровала, лгала, обманывала, занималась колдовством;

мы проводили на одном месте то полтора месяца, то недели три, а то и всего четыре дня, а потом снова в путь; и у меня не было ни дома, ни школы, а ты торговала вразнос надеждами и мечтами, тасуя карты Таро, словно вехи нашего бесконечного пути, и носила разъезжающуюся по швам подержанную одежду, словно все портные вокруг оказались настолько заняты, что им некогда было починить нам платье.

«По крайней мере, мы знали, кто мы такие, Вианн».

Ответ не слишком остроумный, впрочем, именно такого я от нее и ожидала. И кроме того, мне хорошо известно, кто я такая. Разве нет?

Мы заказали китайскую лапшу для Розетт и plat du jour для всех остальных. Народу было совсем мало даже для буднего дня, но в воздухе все равно висел запах пива и сигарет «Житан». Лоран Пансон – сам себе лучший клиент; но если это так, то, по-моему, ему следовало бы давным-давно закрыть свое заведение. Толстомордый, небритый, раздражительный, он воспринимает посетителей как захватчиков, посягнувших на его свободное время, и не скрывает своего презрения ко всем, кроме горстки завсегдатаев, которые по совместительству являются его приятелями.

Тьерри он терпит. Тьерри время от времени играет роль этакого парижского нахала, который врывается в кафе с громогласным «Эй, Лоран! Как дела, mon pote?»²⁴ и припечатывает стойку крупной банкнотой. Лоран считает его богачом, собственником – даже как-то расспрашивал, какова может быть стоимость «Крошки зяблика», если его перестроить и привести в порядок, – и теперь с почтением обращается к нему «месье Тьерри», явно его выделяя, что, возможно, связано как с искренним уважением, так и с надеждой на некую будущую сделку.

Я заметила, что сегодня у Лорана вид несколько более презентабельный, чем обычно, – в лоснящемся костюме, пахнет одеколоном, к рубашке даже воротничок пристегнут и галстук повязан, хотя этот галстук впервые увидел свет наверняка где-то в конце семидесятых. Влияние Тьерри, подумала я, но позднее мне пришлось свое мнение переменить.

Я оставила их поболтать, а сама села за столик, заказала кофе для себя и коку для Анук. Когда-то мы обе наверняка заказали бы горячий шоколад со сливками и алтеем, а потом не спеша, с ложечки, пили бы его, но теперь Анук всегда требует коку. Теперь она горячий шоколад не пьет – сперва я решила, что она выдумала себе какую-то особую диету, и меня это, как ни странно, неприятно задело, как и в тот раз, когда она впервые отказалась слушать на ночь сказку. Она все такой же солнечный ребенок, но я все сильнее чувствую, как сгущаются тени в ее душе, скрывая те уголки, куда она меня не приглашает. О, мне эти тени хорошо знакомы! Я и сама была такой же – так не этим ли отчасти вызваны мои страхи, не моим ли пониманием того, что в ее возрасте и мне хотелось сбежать от матери, любым способом скрыться от ее опеки? Официантка в «Зяблике» была новенькой, но отчего-то казалась мне смутно знакомой. Длинные ноги, узенькая юбочка, волосы, завязанные в «лошадиный хвост»... В конце концов, я все-таки узнала ее – по туфлям.

– Вы ведь Зоя, верно? – спросила я.

– Зози, – поправила она меня и улыбнулась. – Так себе местечко, верно? – Она с комичной торжественностью поклонилась, приглашая нас пройти в зал. – Впрочем, – и она понизила голос почти до шепота, – хозяин, по-моему, очень мило ко мне относится.

Услышав ее слова, Тьерри громко расхохотался, а Анук остороженько улыбнулась.

– Я тут, разумеется, временно, – заявила Зози. – Пока что-нибудь получше не найдется.

Дежурным блюдом оказалась choucroute garnie²⁵ – блюдо, которое у меня до некоторой степени ассоциируется с нашей жизнью в Берлине. Удивительно вкусно для «Крошки зяб-

---

²⁴ Приятель (фр.).

²⁵ Свинина с картофелем и кислой тушеной капустой (фр.).

лика», и мне показалось, это связано с появлением Зози, а не с неким вспыхнувшим кулинарным рвением Лорана.

– Скоро Рождество, вам, случайно, помощь в магазине не требуется? – спросила Зози, снимая с гриля жареные колбаски. – Если да, то я готова. – Она быстро оглянулась через плечо на Лорана, старательно делавшего вид, что ему наша беседа совершенно неинтересна, и прибавила чуть громче: – То есть мне, конечно, совсем не хочется бросать эту работу...

Лоран то ли кашлянул, то ли чихнул, то ли фыркнул, желая привлечь к себе внимание, и Зози насмешливо закатила глаза.

– Вы подумайте о моем предложении, – быстро сказала она, улыбнулась мне и, подхватив четыре кружки пива с той ловкостью, которую дают лишь годы работы в баре, потащила их заказчикам.

После этого она с нами почти не разговаривала: народу в баре существенно прибавилось, а мое внимание, как всегда, было поглощено Розетт. И не то чтобы Розетт такой уж трудный ребенок – теперь у нее и аппетит гораздо лучше, хотя дрызгается она по-прежнему ужасно и предпочитает есть руками, – но иногда она действительно ведет себя странно: смотрит немигающим взглядом куда-то в пространство, вздрагивает от каких-то воображаемых звуков или вдруг начинает смеяться без причины. Я очень надеюсь, что постепенно все это у нее пройдет – вот уже несколько месяцев у нас не было никаких Случайностей, и хотя она по-прежнему просыпается три или четыре раза за ночь, так что поспать мне удастся всего несколько часов, я надеюсь, что с возрастом у нее и сон тоже наладится.

Тьерри считает, что я ее слишком балую, а тут он и вовсе заговорил о том, что Розетт надо бы показать врачу.

– В этом нет никакой необходимости. Она заговорит, когда будет к этому готова, – возразила я, глядя, как Розетт ест лапшу. Вилку она всегда держит в левой руке, хотя вовсе не левша. Да и вообще ручки у нее на редкость ловкие; особенно она любит рисовать и, используя все доступные цвета, без конца рисует маленьких человечков, мужчин и женщин, с ручками и ножками, как палочки, а также обезьян – это ее любимое животное, – лошадей, дома и бабочек; получается пока немного неуклюже, но вполне узнаваемо.

– Ешь как следует, Розетт, – сделал ей замечание Тьерри. – Пользуйся ложкой.

Но Розетт продолжала есть по-своему, словно не слыша его слов. Раньше я даже пугалась, уж не глухая ли она, но теперь понимаю: она просто не считает нужным обращать внимание на столь несущественные для нее вещи. К сожалению, она и на Тьерри внимания почти не обращает, при нем она никогда не смеется, да и улыбается крайне редко, и вообще – никак не желает показать ему, что в ней много хорошего; в присутствии Тьерри она даже знаками объясняется только в случае крайней необходимости.

А дома, с Анук, она и смеется, и играет, и часами может рассматривать свою книжку или слушать радио, кружась под музыку по всей квартире, точно древний дервиш. Дома, где всякие Случайности исключены, Розетт ведет себя хорошо, а когда ей пора спать, мы с ней вместе ложимся в постель, как это было и с Анук, и я пою ей песенки, рассказываю всякие истории. Глазки у нее такие ясные и живые, ярче, чем у Анук, и такие зеленые и умные, как у кошки. Розетт подпевает мне – вполне правильно, – когда я пою колыбельную, которую когда-то пела мне мать. Она, правда, пока что помнит только мелодию, а насчет слов полагается на меня:

V'là l'bon vent, V'là l'joli vent,
V'là l'bon vent, ma mie m'appelle.
V'là l'bon vent, V'là l'joli vent,
V'là l'bon vent, ma mie m'attend²⁶.

---

²⁶ Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер, Мой милый друг меня зовет. Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер, И

Тьерри говорит, что у нее «немного замедленное развитие», и предлагает мне сводить ее «провериться». Он пока еще, правда, не упоминал об аутизме, но наверняка скоро заговорит и об этом – как и многие мужчины его возраста, он читает «Ле пуан» и считает себя специалистом почти по всем вопросам. Я же, с его точки зрения, всего лишь женщина, да к тому же мать, а потому не могу судить здраво.

– Розетт, скажи «ложка».

Розетт берет ложку и с любопытством на нее смотрит.

– Ну давай, Розетт, скажи, пожалуйста, «ложка».

Розетт ухает, как сова, и ложка в ее руках исполняет на скатерти несколько неуместный короткий танец. Любому бы показалось, что она просто издевается над Тьерри. Я тут же отнимаю у нее ложку. Анук кусает губы, чтобы не рассмеяться.

Розетт смотрит на нее и улыбается.

«Прекрати», – жестаи говорит ей Анук.

«Вот дерьмо», – отвечает ей Розетт на том же языке глухонемых.

Я улыбаюсь Тьерри.

– Ей же всего три года...

– Ей почти четыре! Уже достаточно большая.

На лице Тьерри появляется ласковая улыбка, как всегда, когда он чувствует, что я с ним не согласна. Эта улыбка сразу делает его старше и отдаленнее, и в моей душе внезапно пробуждается раздражение – я понимаю, что это несправедливо, но ничего не могу с этим поделать. Терпеть не могу, когда суют нос в мои дела!

Я потрясена: ведь я чуть не сказала это вслух! Но тут замечаю, что та официантка, Золи, наблюдает за мной, одобрительно прищуриив свои голубые глазищи, и мгновенно прикусываю язык.

Я убеждаю себя, что должна быть благодарна Тьерри. За многое. Не только за магазин или за помощь, которую он нам оказывал весь последний год; и даже не за подарки мне и детям. Нет, Тьерри гораздо шире всего этого. И тень его способна укрыть всех нас троих, вместе взятых, и в этой тени мы действительно станем невидимыми.

Но сегодня Тьерри выглядел каким-то встревоженным, беспокойным и все перебирал что-то в кармане пальто. Вопросительно посмотрев на меня поверх своей кружки со светлым пивом, он спросил:

– У тебя что-то случилось?

– Нет, я просто устала.

– Тебе нужно передохнуть, устроить себе праздник.

– Праздник? – Я чуть не рассмеялась. – Праздники существуют для того, чтобы продавать шоколад.

– Значит, ты собираешься продолжать торговлю?

– Ну конечно! А как же иначе? До Рождества меньше двух месяцев и...

– Янна, – прервал он меня. – Если я могу чем-то помочь – деньгами или как-то иначе...

Он ласково накрыл мою руку своей широкой ладонью.

– Я справлюсь.

– Конечно. Конечно справишься.

Его рука вернулась в карман пальто.

У него же самые лучшие намерения, в очередной раз сказала я себе, однако все во мне восстает против подобного вторжения в мой мир, с какими бы добрыми намерениями подобная интервенция ни осуществлялась. Я уже так давно привыкла со всем справляться самосто-

ятельно, что потребность в помощи – в любой помощи – представляется мне некой опасной слабостью.

– С магазином я тебе всегда помогу, – прибавил он. – Но как же дети?

– Я справлюсь, – повторила я. – Я...

– Нет, ты не можешь со всем справиться в одиночку.

Теперь в нем явственно чувствовалось раздражение:

плечи опущены, руки засунуты глубоко в карманы пальто и сжаты в кулаки.

– Я знаю. Я кого-нибудь найду.

И я снова посмотрела на Зози, которая, держа в руках два полных еды подноса, шутила с игроками в белот²⁷, сидевшими за дальним столиком. Мне подумалось, что держится она исключительно свободно и независимо, но в то же время удивительно естественно, причем вне зависимости от того, подает ли посетителями тарелки с едой, или собирает со столов грязные стаканы, или со смехом отводит от себя чьи-то не в меру шаловливые руки, шуточно по ним шлепая.

«Так ведь и я была такой же, – сказала я себе. – Это же я – десять лет назад».

Впрочем, это не совсем так; вряд ли Зози настолько моложе меня, просто она чувствует себя гораздо свободнее и гораздо сильнее ощущает себя именно Зози, чем я когда-либо ощущала себя Вианн.

«Кто же она такая, эта Зози?» – спрашиваю я себя. Эти глаза, безусловно, замечают куда больше, чем тарелки, которые нужно перемыть, или банкноты, засунутые под краешек блюда. По голубым глазам читать всегда легче, однако мое профессиональное мастерство, раньше так часто мне пригождавшееся – хоть и не всегда приносившее удачу, – с ней по какой-то причине дает сбой. Бывает, уговариваю я себя, такие люди тоже иногда попадают. Но что ей по душе: темный шоколад или светлый, мягкий или твердый, или, может, горький апельсиновый, или вообще розовая сливочная помадка, или белый шоколад «Манон», или ванильный трюфель? Я вообще понять не могу, любит ли она шоколад, не говоря уж о том, какой шоколад ей нравится больше всего.

Но... почему же мне кажется, что уж ей-то хорошо известно, что больше всего люблю я?

Я вновь повернулась к Тьерри и заметила, что и он смотрит на Зози.

– На помощницу у тебя денег не хватит. Ты и так еле концы с концами сводишь, – заявил он.

И меня опять охватило раздражение. Да кем он себя считает, в конце концов?! Словно мне впервой со всем справиться в одиночку, словно я – маленькая девочка, играющая с подружками «в магазин»! Конечно, дела у нас в chocolaterie в последние несколько месяцев идут неважно. Но за аренду мы заплатили до самого Нового года и наверняка сумеем выкрутиться. На подходе Рождество, и если повезет...

– Янна, нам все-таки нужно поговорить. – Улыбка с его лица исчезла. Теперь передо мной сидел самый настоящий бизнесмен, мужчина, который в четырнадцать лет начал вместе с отцом восстанавливать старую развалюху возле Гар дю Нор и в итоге стал одним из самых преуспевающих торговцев недвижимостью в Париже. – Я понимаю, тебе тяжело. Но ведь совсем не обязательно, чтобы так было всегда. Для любой ситуации можно найти решение. Я знаю, ты была предана мадам Пуссен – ты много ей помогала, я очень это ценю...

Он считает, что это действительно так. Возможно, отчасти так и было, однако я прекрасно понимаю, что использовала ее, как использовала и свое воображаемое вдовство, желая отсрочить неизбежное, отдалить ту страшную черту, после которой нет возврата...

– Но ведь можно идти и вперед.

– Вперед? – переспросила я.

---

²⁷ Белот – карточная игра.

Он улыбнулся.

– Ну да, по-моему, у тебя есть такая возможность. Я что хочу сказать: всем нам, конечно, жаль, что мадам Пуссен умерла, но ты-то теперь в некотором смысле получила свободу. И могла бы заниматься, чем хочешь. Хотя я, по-моему, уже подыскал тебе место, которое наверняка тебе понравится...

– Ты хочешь сказать, что я должна отказаться от нашей chocolaterie?

На мгновение мне показалось, что он говорит на непонятном для меня иностранном языке.

– Послушай, Янна, я же видел твои счета! Я знаю, что почем. Это не твоя вина, ты так старалась, но сейчас дела у всех плохо идут, и...

– Тьерри, прошу тебя! Я не хочу сейчас обсуждать эту тему.

– В таком случае чего же ты хочешь? – с некоторым нажимом спросил он. – Одному богу известно, сколько времени я пытался к тебе приноровиться. Неужели ты не видишь, что я пытаюсь тебе помочь? И почему не позволяешь сделать для тебя то, что мне вполне по силам?

– Извини, Тьерри. Я знаю, ты хочешь мне добра, но...

И вдруг перед моим мысленным взором предстало нечто. Со мной такое порой случается, причем всегда неожиданно: вдруг на дне кофейной чашки мелькнет чье-то отражение, или я замечу в зеркале чей-то мельком брошенный взгляд, или на блестящей поверхности только что сваренной шоколадной массы возникнет некий образ.

Шкатулка. Маленькая шкатулка небесно-голубого цвета...

Что в ней, я сказать не могла. Но в душе уже зрела паника, горло пересохло; я слышала, как шелестит в переулке ветер, и в этот момент мне хотелось одного: схватить детей и бежать, бежать...

«Возьми себя в руки, Вианн».

Я заставила свой голос звучать как можно ласковее.

– Тьерри, может, подождем с этим разговором, пока я как следует не разберусь с делами?

Но Тьерри был похож на возбужденного охотничьего пса, настроенного весьма решительно, и оставался невосприимчивым к моим аргументам. Руку он по-прежнему держал в кармане, словно что-то там перебирая.

– А вот я как раз и хочу помочь тебе разобраться с делами. Неужели ты этого не понимаешь? Я не желаю, чтобы ты окончательно угробила себя, работая день и ночь. Несколько жалких коробок шоколада того не стоят, Янна! Хотя, возможно, такое положение вещей вполне устраивало мадам Пуссен. Но ведь ты-то молода, умна, и жизнь твоя еще далеко не кончена...

Да, теперь я поняла, что это было такое. Теперь перед моим мысленным взором отчетливо предстала маленькая голубая коробочка из ювелирного магазина с Бонд-стрит²⁸, и в ней на бархатной подушечке кольцо с драгоценным камнем, тщательно выбранное с помощью продавщицы; камень не слишком крупный, но идеальной чистоты...

«Ох, пожалуйста, Тьерри. Не здесь. Не сейчас».

– Прямо сейчас мне никакая помощь не нужна. – Я одарила его самой ослепительной своей улыбкой. – А ты съешь-ка лучше свою choucroute. Она удивительно вкусная...

– То-то ты к ней едва притронулась, – заметил он.

Я тут же битком набила рот и сказала:

– Видишь?

Тьерри улыбнулся.

– Закрой глаза.

– Что? Прямо здесь?

– Закрой глаза и дай мне руку.

---

²⁸ Бонд-стрит – одна из главных торговых улиц Лондона.

– Тьерри, пожалуйста...

Я попыталась рассмеяться. Но смех застрял в горле, и вместо него получился какой-то треск, словно из кувшина с узким горлышком с грохотом пытались вырваться наружу горошины.

– Закрой глаза и считай до десяти. Тебе понравится. Обещаю. Это сюрприз.

Ну что я могла поделать? Я закрыла глаза, как он велел. И протянула руку ладошкой вверх, точно маленькая девочка. И сразу почувствовала, как в ладонь мне упало что-то маленькое, не больше пралине в обертке.

Когда я открыла глаза, Тьерри рядом не было. И та коробочка с Бонд-стрит лежала у меня на ладони, в точности такая, какая представлялась мне минуту назад, и в ней на подушечке из темно-синего бархата льдисто поблескивал бриллиант-солитер.

Глава 5

9 ноября, пятница

Ну вот, я же вам говорила! В точности как я и предполагала. Я наблюдала за ними в течение всей той весьма напряженной и недолгой трапезы: за Анни с ее ореолом цвета крыла синей бабочки; за второй девочкой, у нее аура золотисто-красных тонов, но сама она пока еще слишком мала для моих целей, хотя тоже очень и очень меня заинтересовала; за этим мужчиной, слишком громогласным, но чересчур мало для меня значимым, и, наконец, за самой Янной, застывшей, настороженной. У нее все цвета ауры настолько приглушены, что их порой и не различить; они кажутся всего лишь отражением улиц и неба в воде, покрытой к тому же такой сильной рябью, что отражение сильно искажено.

Да, в ней определенно чувствуется некая слабость. Нечто такое, чем можно было бы для начала воспользоваться. Это мне подсказывает инстинкт охотницы, который я много лет старательно развивала и теперь могу даже с закрытыми глазами почуять хромую газель. Янна не лишена подозрительности, и все же некоторые люди так сильно хотят верить во что-то – в магию, в любовь, в деловых партнеров, гарантирующих утроить вложенные ими средства, – что эта вера делает их уязвимыми для охотниц вроде меня. Такие люди каждый раз попадают на одну и ту же удочку, и что, скажите, я могу сделать, если это действительно так?

Впервые я начала видеть цвета чужой ауры, когда мне исполнилось одиннадцать. Сперва, правда, лишь слабое сияние, или золотистую искорку краем глаза, или серебристую пелену в небе, где не было ни облачка, или сложной расцветки туман над толпой. По мере того как рос мой интерес, росла и моя способность видеть эти цвета. Я узнала, что у каждого человека есть нечто вроде личной подписи, особое проявление собственного «я», которое способны видеть лишь очень немногие, да и то с помощью парочки заклинаний и магических жестов.

Чаще всего там особенно и смотреть-то не на что: у большинства людей аура столь же тусклая, как нечищенная обувь. Но порой все же можно уловить и нечто стоящее. Ослепительную вспышку гнева, при которой лицо у человека остается абсолютно бесстрастным. Ярко-розовое пламя, как стяг, реющее над парой влюбленных. Серо-зеленый покров тайны. Это, разумеется, очень помогает, если постоянно имеешь дело с людьми. А также чрезвычайно полезно при игре в карты, особенно когда не хватает денег.

Есть один старинный магический жест, который одни называют Глазом Черного Тескатлипоки, другие – Дымящимся Зеркалом; этот жест помогает сосредоточить все внимание на индивидуальных особенностях человека. Я научилась пользоваться им в Мехико и теперь, обладая достаточным практическим опытом и познаниями в области магических жестов и знаков, легко могу определить, кто лжет, кто боится, кто обманывает жену, кто страстно жаждет денег.

Постепенно я научилась не только разбираться в цветах чужой ауры, но и манипулировать своей, то придавая ей приятный розовый оттенок – если требовалось проявить осторожность, – то приглушая все краски и как бы облекая себя в уютный плащ невзрачности, незначительности, позволяющий стать личностью абсолютно не запоминающейся, почти невидимкой.

Лишь позднее я пришла к выводу, что во всем этом не обходится без магии. Как и все дети, воспитанные на сказках, я ждала от магии огненного фейерверка, взмахов волшебной палочкой, полетов на метле. Магия в книгах моей матери казалась мне ужасно скучной, пресно академичной со своими дурацкими длинными заклинаниями и напыщенными старцами магами, и такую магию я уж никак не могла бы назвать волшебством.

С другой стороны, моя мать магией вовсе и не владела. Несмотря на все свои научные опыты, изучение заклятий, вращение хрустальных шаров при свечах и гадание с помощью карт

Таро, она – я, во всяком случае, ни разу никакого волшебства в ее исполнении не видела! – в лучшем случае могла сотворить незначительную иллюзию. Некоторые люди просто-напросто лишены подобных задатков; я поняла это по цветам ее ауры задолго до того, как сказала ей об этом. Ну не было у нее необходимых качеств, чтобы стать настоящей ведьмой!

Но если колдовство моей матери и не давалось, то знаниями она действительно обладала большими. Она держала лавку в пригородах Лондона, где торговала книгами по оккультным наукам, и там ее посещали самые разные люди. В том числе маги высокого полета, последователи Одина, всевозможные «язычники», а иногда и так называемые сатанисты (все без исключения прыщавые, словно переходный возраст у них затянулся до старости).

От них – а также от матери – я в итоге и узнала то, что было мне так необходимо. Мать была уверена: если дать мне доступ ко всем формам оккультизма, я непременно сумею впоследствии сама выбрать свой путь. Она же была последовательницей какой-то непонятной секты, представители которой верили, что дельфины – это особая просвещенная раса, и практиковали некую «земную магию», столь же безвредную, сколь и бездейственную.

Но все в мире имеет свое предназначение, и, обнаружив это, я годами мучительно собирала и копила те крохи практической магии, которые сумела извлечь из этого бессмысленного, смехотворного, шутовского культа. Я выяснила, что обычно магия – если она вообще содержится в том или ином культе – глубоко спрятана под удушающим пологом ритуалов, драматических действий, всевозможных постов и различных, никому не нужных наук, призванных окутать флером таинственности поиски того, что реально будет работать. Моя мать ритуалы прямо-таки обожала – мне же нужна была просто книга рецептов.

Так что я самостоятельно погрузилась в изучение рун, карт Таро, хрустальных шаров и маятников. Я изучала гербологию и древнекитайскую мифологию по книге «И-цзин», собирала вишни на «золотой заре», я в итоге полностью отвергла теорию Кроули (взяв на вооружение только его карты Таро, которые очень красивы); я честно и сосредоточенно исследовала свое внутреннее «я» и страшно веселилась, читая «Либер Нулл» и «Некрономикон».

Но наиболее рьяно я изучала верования и представления народов Центральной Америки – майя, инков и, главное, ацтеков. Отчего-то именно ацтеки интересовали меня больше всего; благодаря их мифам я узнала о жертвоприношениях, о дуализме богов, о вселенском зле, о том, чему соответствуют цвета человеческой ауры, об ужасе смерти и о том, что единственный способ выжить в этом мире – это сопротивляться изо всех сил, любыми, даже самыми грязными, способами...

Результатом и стала моя Система, тщательно отшлифованная за годы испытаний и ошибок и представляющая собой определенное количество сведений о вполне реальных растительных снадобьях (в том числе о таких весьма полезных вещах, как яды и галлюциногены), а также – о магических жестах и именах, некоторых дыхательных и физических упражнениях; а также – о некоторых бодрящих зельях и микстурах; а также – о некоторых астральных телах и самовнушении; а также – о некоторых магических заклятиях (я не поклонница произносимых вслух заклинаний, но некоторые из них действуют очень неплохо); а также – глубокое понимание цветов человеческой ауры и умение ими манипулировать, то есть по собственному желанию становиться такой, какой меня хотели бы видеть другие, окутывать волшебными чарами и себя, и других, по своей воле изменять весь мир.

Однако за все это время я, к огорчению моей матери, так и не присоединилась ни к одной секте, ни к одному направлению. Ей это очень не нравилось, она утверждала, что с моей стороны «просто аморально» отсеивать только то, что мне нравится, из многочисленных и, с ее точки зрения, порочных верований; ей бы хотелось, чтобы и я тоже стала членом какого-нибудь милого и вполне дружелюбного сообщества колдунов и ведьм, где можно было бы «общаться с интересными людьми» и знакомиться с приличными, не внушающими опасений молодыми

людьми; или я могла бы тоже присоединиться к последователям ее «аквашколы» и заниматься изучением философии дельфинов.

– Во что же все-таки ты веришь? – спрашивала она меня, длинными нервными пальцами перебирая четки. – В чем суть твоих верований, в чем проявляется аватара²⁹ твоего божества?

И я, недоуменно пожав плечами, отвечала:

– Зачем сводить все к какой-то религии, к какому-то божеству? Мне интересно то, что способно реально действовать, а не то, сколько ангелов могут танцевать на булавочной головке или какого цвета свечу следует зажечь, чтобы навести любовные чары.

(На самом деле я давно уже открыла для себя, что в плане соблазна цветные свечи сильно проигрывают в сравнении с оральным сексом.)

Мать только вздыхала, мило печалась, и в очередной раз повторяла, что я, видимо, избрала в жизни свой собственный путь. И это действительно было так; этим путем я следую и поныне. Он приводил меня во многие интересные места – сюда, например, – но пока что я ни разу не встречала свидетельств того, что я, как личность, далеко не уникальна; я даже предположить этого не могла.

Но пожалуй, лишь до сих пор.

Янна Шарбонно. Чересчур благозвучное имя, чтобы быть по-настоящему правдоподобным. И ее приглушенная аура тоже свидетельствует о какой-то фальши, обмане, хотя, подозреваю, у нее имеется целый арсенал средств, способных скрыть ее истинное лицо, так что лишь в те мгновения, когда эта система защиты несколько ослаблена, мне удается мельком разглядеть его.

«Мама не любит, когда мы чем-то отличаемся от других».

Интересно.

Кстати, как называлась эта деревня? Ланскне? Надо непременно ее отыскать. А там, возможно, найдется и некий ключ – скажем, давний скандал или какой-то другой след, оставленный женщиной с ребенком, – любые сведения, способные пролить свет на прошлое этой пары темных лошадок.

В интернете я отыскала только два упоминания об этом селении – оба на сайтах, посвященных фольклору и праздникам юго-западной Франции; название Ланскне-су-Танн оба раза было связано с одним популярным пасхальным фестивалем, впервые устроенным там немногим более четырех лет назад.

Назывался он «Праздник шоколада». Что ж, я ничуть не удивилась.

Итак, что мы имеем? Может, ей надоела деревенская жизнь? Или у нее появились враги? Почему она уехала оттуда?

Этим утром у нее не было ни одного покупателя. Я внимательно следила за входом в ее лавку из «Крошки зяблика», и до половины первого там ни одной живой души не появилось. Пятница – и никого! Даже тот толстяк не пришел, который, по-моему, вообще рта никогда не закрывает. Даже никто из соседей не заглянул или случайный турист.

В чем же там дело? Этот магазинчик, по-моему, должен гудеть от покупателей, как улей. А он притворяется невидимкой, сливаясь с белеными стенами окружающих площадь зданий. Разумеется, для бизнеса это никуда не годится. Неужели так трудно хоть немного приукрасить эту *chocolaterie*, сделать ее более привлекательной, заставить ее фасад сиять, как он сиял в тот день, – но Янна почему-то ничего не предпринимает. Интересно, почему? Моя мать, например, всю жизнь тщетно стремилась стать особенной, не такой, как другие, – почему же Янна тратит столько усилий, чтобы казаться такой, как все?

---

²⁹ Аватара – в древнеиндийской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо ради «спасения мира». Например, Будда есть аватара Вишну, одного из высших богов индуизма.

Глава 6

9 ноября, пятница

Тьерри заехал около двенадцати. Я, естественно, ожидала его приезда и провела бессонную ночь, раздумывая о том, как мне вести себя во время этого свидания. Как я жалею, что все-таки вытащила эти карты – и мне выпали Смерть, Влюбленные, Башня, Перемена, – ибо теперь я уже чувствую, что это судьба, что это неизбежно, что все дни и месяцы моей жизни выстроены в ряд, точно костяшки домино, готовые вот-вот упасть...

Нет, разумеется, это глупости. Я не верю в судьбу. Я уверена: выбор у нас есть всегда, и даже этот ветер можно заставить улечься, и даже Черного Человека можно обмануть, и даже Благочестивых можно как-то умиловать.

«Но какой ценой?» – спрашиваю я себя. Вот что не дает мне спать по ночам, вот что заставляет меня внутренне напрягаться при каждом новом порыве этого ветра, предупреждающего меня своей песней, вот почему у Тьерри появляется на лице то упрямое выражение, которое свидетельствует о некоем незаконченном деле.

Я пыталась оттянуть этот разговор. Я предложила ему выпить горячего шоколада, и он согласился, хотя и без особого энтузиазма (он предпочитает кофе), зато я хоть руки смогла чем-то занять. Розетт возилась на полу со своими игрушками, и Тьерри смотрел, как она играет: на терракотовых плитках пола она выкладывала из пуговиц, одну за другой доставая их из коробки, длинные цепочки, которые затем превращались в сложные концентрические фигуры.

В обычный день Тьерри непременно сказал бы что-нибудь вроде: «Ты бы обратила все-таки на ребенка внимание, это же негигиенично» – или выразил бы беспокойство на тот счет, что Розетт может проглотить пуговицу и задохнуться. Но сегодня он не сказал ни слова, и это весьма тревожный знак, на который я старалась не обращать внимания, готовя ему шоколад.

Налить молока в кастрюльку, накрыть крышкой, положить сахар, мускатный орех и перец чили. На краешек блюдца – кокосовое печенье. Этот процесс успокаивает, как и любой ритуал; все жесты переданы мне по наследству от матери, а от меня перейдут Анук и, возможно, ее дочери – когда-нибудь потом, в будущем, пока что слишком далеко, чтобы его легко можно было себе представить.

– Отличный шоколад, – сказал он.

Ему явно хотелось сказать мне что-нибудь приятное; крошечную чашечку он держал в обеих руках, куда лучше приспособленных для того, чтобы строить стены.

Я тоже пригубила шоколад; он пахнул осенью, и сладковатым дымком костров, и замками, и утром, и печалью. Надо было положить немного ванили, заметила я про себя. Ваниль, как в мороженом – как в детстве.

– Пожалуй, чуть горьковат, – сказал он, добавляя сахару. – Ну что? Как ты насчет того, чтобы сегодня сделать перерыв и отдохнуть? Прогуляться по Елисейским Полям, выпить кофе, пообедать, зайти в магазины...

– Тьерри, – сказала я, – это очень мило с твоей стороны, но не могу же я на целый день магазин закрыть.

– Вот как? По-моему, вокруг ни души.

Я вовремя прикусила язык и, не желая отвечать слишком резко, заметила:

– Ты еще свой шоколад не допил.

– А ты еще на мой вопрос не ответила. – Он быстро глянул на мою обнаженную руку. – Я вижу, Янна, что мое кольцо ты так и не надела. Или это означает «нет»?

Я невольно рассмеялась. Его прямота часто меня смешит, хотя сам Тьерри понятия не имеет, почему я смеюсь.

– Просто это было слишком неожиданно, только и всего.

Он посмотрел на меня поверх чашки с шоколадом. Глаза у него были усталые, словно он ночь не спал, и вокруг рта пролегли глубокие складки, которых я раньше не замечала. Это был как бы намек на уязвимость, и меня это удивило и встревожило: я так долго уговаривала себя, что Тьерри мне совершенно не нужен, но мне даже в голову не пришло, что, возможно, это я нужна ему.

– Ну что? – спросил он. – Можешь уделить мне часок?

– погоди минутку, я переоденусь, – сказала я.

Глаза Тьерри так и вспыхнули от радости.

– Вот и молодец! Я знал, что ты согласишься!

Он снова был в форме, мгновенная неуверенность прошла. Он встал, с хрустом засунув в рот кокосовое печенье (я заметила, что шоколад он так и не допил), и улыбнулся Розетт, по-прежнему игравшей на полу.

– Ну, *jeune fille*³⁰, а ты как считаешь? Не пойти ли нам в Люксембургский сад и не поиграть ли с игрушечными корабликами на пруду...

Розетт посмотрела на него сияющими глазами. Она эти кораблики просто обожает, как и того человека, что выдает их; дай ей волю, она бы все лето на пруду провела...

«Морское судно», – весьма выразительно изобразила она с помощью пальцев.

– Что она сказала? – нахмурился Тьерри.

Я с улыбкой пояснила:

– Она говорит, что это звучит весьма заманчиво.

Меня вдруг охватило горячее чувство нежности, благодарности Тьерри – за его вечное желание помочь, за его энтузиазм и доброжелательность. Я знаю, он считает, что с Розетт трудно найти общий язык – об этом свидетельствует и ее мрачное молчание, и нежелание улыбаться, – тем более ценны бесконечные попытки Тьерри все же наладить с ней отношения.

Поднявшись наверх, я сняла пропахший шоколадом фартук и надела свое любимое платье из красной шерстяной фланели. Красного я не ношу уже несколько лет, но нужно же хоть как-то обороняться против этого холодного ноябрьского ветра! Кроме того, подумала я, на мне ведь еще и пальто будет. Я запихнула Розетт в куртку-анорак, натянула ей на руки перчатки (их она почему-то терпеть не может), и мы втроем поехали на метро в Люксембургский сад.

Это так занятно – по-прежнему оставаться туристкой в том городе, где родилась. Но Тьерри считает меня иностранкой; он с таким восторгом показывает мне свой мир, что я не могу его разочаровать. Сады сегодня такие хрустящие, яркие, земля покрыта похожими на мокрую гальку пятнышками – это солнечные зайчики играют на пестрой листве. Розетт страшно нравятся опавшие листья, она то и дело с восторгом поддает их ногой, и они вздымаются величественными разноцветными осенними радугами. А искусственное маленькое озерцо она просто обожает и, затаив от восторга дыхание, наблюдает за игрушечными суденышками.

– Розетт, скажи «кораблик», – просит ее Тьерри.

– Бам, – говорит она, глядя на него в упор своими кошачьими глазищами.

– Нет, Розетт, это называется «кораблик», – говорит он. – Ну же, давай, ты вполне можешь сказать «кораблик».

– Бам, – говорит Розетт и с помощью пальцев показывает: «обезьянка».

– Ну все, довольно.

Я улыбаюсь дочке, но сердце у меня в груди так и колотится. Она сегодня была такой милой, так хорошо себя вела, бегала вокруг в своем желто-зеленом анораке и красной шапочке, похожая на ожившую елочную игрушку, и время от времени кричала – «бам-бам-бам!» – словно расстреливая невидимых врагов, при этом она не смеялась (она вообще редко смеется),

---

³⁰ Девочка, юная девица (*фр.*).

а была как-то свирепо сосредоточена, даже нижнюю губу выпятила, а брови сурово сдвинула, словно ее веселая беготня – это вызов, которым отнюдь не стоит легкомысленно пренебрегать.

Но сейчас в воздухе явственно повеяло опасностью. Ветер переменялся; краем глаза я замечаю легкое золотистое свечение и понимаю: да, пора...

– Ладно, теперь по мороженому, и все, – говорит Тьерри.

Суденышко совершает головокружительный поворот под прямым углом, почти ложась на правый борт, и устремляется к середине озерца. Розетт озорно смотрит на меня.

– Не надо, Розетт.

Суденышко подскакивает, резко разворачивается и теперь несется в сторону лотка с мороженым.

– Хорошо, но только по одному.

Мы целовались, пока Розетт на берегу доедала свое мороженое; от Тьерри исходило тепло и слабый запах табака – так обычно пахнут отцы, а его руки, заключенные в рукава элегантного кашемирового пальто, походили на лапы медведя. Он прижимал меня к себе своими огромными лапищами, и я чувствовала, что на мне под осенним пальто слишком тонкое красное платье.

Это были хорошие поцелуи; они начались с моих холодных пальцев, затем умело, без спешки добрались до моей шеи и наконец достигли губ; и под ними я понемногу согревалась, точно у жаркого костра, отгаивала душой, которую уже успел заморозить этот ледяной ветер, а он все повторял: «Я люблю тебя, я люблю тебя» (он часто это говорит мне), но еле слышно, чуть задыхаясь, точно нетерпеливый ребенок, слишком торопящийся спасти свою душу.

Он, должно быть, заметил выражение моего лица и спросил, тут же опять становясь серьезным:

– В чем дело?

Как рассказать ему? Как объяснить? Он смотрел на меня с такой искренностью, с таким неожиданным вниманием, и его голубые глаза слезились на ветру. И он выглядел таким бесхитростным, таким обыкновенным – неспособным, несмотря на принадлежность к сложному миру бизнеса, понять, как мы его обманываем.

Что же он видит в Янне Шарбонно? Сколько раз я старалась это понять. И что он мог бы увидеть в Вианн Роше? Неужели с недоверием воспринял бы ее нешаблонное, чуждое условностям поведение? Неужели презрительно фыркнул бы, узнав о ее верованиях? Неужели осудил бы ее предпочтения? Или, может, пришел бы в ужас, узнав, как она ему лгала?

Он медленно перецеловал кончики моих пальцев, по одному поднося их к губам, и вдруг улыбнулся.

– У тебя вкус шоколада.

Но тот ветер по-прежнему выл у меня в ушах, и деревья вокруг качались и шелестели, усиливая его вой, делая его оглушительным, точно грохот океанских волн, точно струи тропического ливня в сезон дождей. Ветер подбрасывал к небесам конфетти опавших листьев и дышал на меня запахами той реки, той зимы, тех ветров.

И тут в голове мелькнула странная мысль...

«Что, если рассказать Тьерри правду? Что, если рассказать ему все?»

И стать для него понятной, любимой, понятой. У меня перехватило дыхание...

«Ах, если б осмелиться...»

Этот ветер делает с людьми странные вещи: он крутит их, вертит, заставляет танцевать. В один миг он превратил Тьерри в мальчишку с взъерошенными волосами и ясными глазами, полного надежд. Да, подобные искушения этому ветру подвластны, он может соблазнить человека, внушить ему дикие мысли и еще более дикие мечты. Но в ушах у меня постоянно звучало то предупреждение – даже в эти мгновения я понимала, что Тьерри Ле Трессе, несмотря на все свое тепло и всю свою любовь, никогда не сможет соперничать с тем ветром.

– Я не хочу терять свой магазин, – сказала я ему (а может, тому ветру). – Мне необходимо его сохранить. Мне необходимо, чтобы он стал моим.

Тьерри рассмеялся.

– И всего-то? В таком случае выходи за меня, Янна. И у тебя будет сколько угодно магазинов и кафе-шоколадниц, сколько угодно шоколада. И у тебя самой всегда будет вкус и запах шоколада. Ты просто насквозь им пропахнешь – да и я тоже...

Его слова все-таки заставили меня рассмеяться. И Тьерри, схватив меня за руки, стал кружиться со мной по сухому гравию, и Розетт так хохотала, что даже икать начала.

Возможно, именно поэтому я и сказала то, что сказала; мгновенный, опасный порыв, вой ветра в ушах, волосы, брошенные мне в лицо, и Тьерри, готовый отдать мне все, что у него есть за душой, почти испуганно шепчущий, уткнувшись мне в волосы: «Я люблю тебя, Янна!»

«Он боится потерять меня», – вдруг подумала я и тогда решилась все-таки сказать ему те слова, хоть и понимала, что теперь пути назад уже не будет; и я сказала со слезами на глазах и мокрым, красным из-за ледящего ветра носом:

– Хорошо. Только пусть все будет тихо...

Он даже глаза вытаращил от неожиданности.

– Ты уверена? – задыхаясь, спросил он. – Я думал, ты захочешь... ну, сама знаешь... Он улыбнулся. – Подвенечное платье. Церковь. И чтобы хор пел. И кругом подружки невесты, и звон колоколов – в общем, все такое.

Я покачала головой.

– Нет, никакой свадебной шумихи, – сказала я.

Он снова поцеловал меня.

– Хорошо, никакой, раз ты сказала «да».

И на мгновение мне стало так хорошо! Я наконец держала в руках свою маленькую чудесную мечту. Тьерри – хороший человек, думала я. Человек с корнями, человек с принципами.

«И с деньгами, Вианн, не забывай об этом», – раздался у меня в ушах чей-то злорадный голос, но голос этот звучал довольно слабо и становился все слабее по мере того, как я отдавалась своей маленькой чудесной мечте. «Да будь она проклята, – думала я, – будь проклят этот ветер! На этот раз ему нас прочь не унести!»

Глава 7

9 ноября, пятница

Сегодня я опять поссорилась с Сюзи. Не знаю, почему мы так часто ссоримся, я хочу с ней дружить, но чем больше я стараюсь, тем это труднее. На этот раз она прицепилась к моим волосам. Еще новости! Она считает, что мне надо их выпрямить!

Я спросила зачем.

Но Сюзанна только плечами пожала. Мы с ней одни остались в библиотеке во время большой перемены – остальные пошли в магазин покупать сладости, – а я надеялась списать задание по географии, но раз Сюзи захотелось поговорить, остановить ее совершенно невозможно.

– Странно они как-то выглядят, – пояснила она. – Как у африканки.

Мне было безразлично, как выглядят мои волосы, о чем я ей и сообщила.

Сюзи тут же презрительно вытянула губы трубочкой – она всегда так делает, если ей кто-то перечит, – и вкрадчивым тоном спросила:

– Но... твой отец ведь, по-моему, чернокожим не был? Или все-таки был?

Я покачала головой, чувствуя себя лгуньей. Сюзанна считает, что мой отец умер. Но насколько я знаю, он вполне мог быть и чернокожим. Как вполне мог быть и пиратом, и серийным убийцей, и королем...

– Видишь ли, некоторые могут подумать...

– Если «некоторые» – это Шанталь...

– Нет! – резко возразила Сюзанна, но ее розовое лицо еще сильнее порозовело, и в глаза мне она старалась не смотреть. – Послушай, – и она обняла меня за плечи, – ты у нас в школе новенькая. И мы тебя совершенно не знаем. Все остальные ребята из нашего класса вместе учились еще в начальной школе. И все давно научились соответствовать...

«Научись соответствовать». У меня была одна учительница, которую звали мадам Дру, – там, еще в Ланскне, – которая очень любила повторять именно эти слова.

– А ты не такая, как мы, – припечатала меня Сюзи. – Я все старалась тебе помочь...

– Как же, старалась ты! – фыркнула я, вспомнив о задании по географии и о том, что я никогда, никогда не смогу делать то, что хочу, пока она рядом, потому что всегда главное – ее забавы, ее проблемы; и это она говорит мне: «Анни, пожалуйста, перестань за мной таскаться», стоит поблизости появиться кому-то более стóящему.

Она понимала, что я вовсе не собиралась ее обижать, но все равно сразу напустила на себя обиженный вид и, как взрослая, гордым жестом откинула назад волосы (между прочим, выпрямленные), а потом заявила:

– Ну что ж, если ты даже слушать меня не желаешь...

– Ладно, – смирилась я, – говори: что еще во мне не так, как надо?

Она пару секунд смотрела на меня. Но тут прозвенел звонок на урок, и она, ослепительно улыбнувшись, сунула мне в руку сложенный листок бумаги.

– Вот. Я составила список.

Я прочитала этот список в кабинете географии. Месье Жестен рассказывал нам о Будапеште, где мы с мамой когда-то тоже недолго жили, хотя теперь я уже почти ничего не помню. Помню только реку, снег и старый квартал, который отчего-то кажется мне очень похожим на Монмартр – там были такие же извилистые улочки, крутые лестницы и старый замок на невысоком холме. Список Сюзи своей пухлой аккуратной рукой написала на половинке листка, выданного из ученической тетради. В нем содержались самые разнообразные советы: как улучшить свою внешность (волосы выпрямить, сделать маникюр, ноги побрить и постоянно иметь при себе дезодорант); как одеваться (не надевать носки с юбкой, носить светло-розовое,

а не оранжевое); что читать (книжки для девочек хорошо, а книжки для мальчиков плохо); какие фильмы смотреть и какую музыку слушать (слушать следует только самые последние хиты); что смотреть по телевизору и что искать в интернете (как будто у меня есть компьютер!); как проводить свободное время и какой марки мобильный телефон надо приобрести.

Я сперва решила, что это просто очередная шутка, но после школы, встретившись с Сюзи на остановке автобуса, поняла, что она отнюдь не шутила.

– Ты должна попытаться, – заявила она. – Иначе все будут говорить, что ты какая-то странная...

– Я не странная, – сказала я. – Я просто...

– Не такая, как все.

– А что плохого в том, чтобы быть не такой, как все?

– Знаешь, Анни, если ты хочешь, чтобы у тебя были друзья...

– Да настоящим друзьям плевать на такие вещи!

Сюзи побагровела. С ней это часто случается, когда она злится, и такой цвет лица ужасно выглядит в сочетании с ее рыжей шевелюрой.

– Ну и ладно, а мне не плевать! – прошипела она и отвернулась, устремив свой взгляд в начало очереди.

Видите ли, существуют определенные правила того, как следует стоять в очереди на автобус, точно так же есть правила того, как входить в класс или выбирать себе партнеров во время игры. Мы с Сюзи стояли примерно в середине очереди, а впереди девочки из «списка А» – те, кто играет в баскетбол за честь школы; все они были старше нас; такие девчонки уже всюду пользуются губной помадой, закатывают школьные юбки за пояс, чтоб стали короче, и, стоит им выйти за ворота школы, закуривают «Житан». Там же были и мальчишки – лучшие из лучших, самые симпатичные, тоже члены спортивных команд; все они ходят с поднятым воротником, а волосы укладывают с помощью геля.

Там же стоял и один новый мальчик из нашего класса, его зовут Жан-Лу Рембо. Сюзанна по нему просто с ума сходит. Шанталь он тоже очень нравится – хотя сам-то он, по-моему, ни на ту ни на другую внимания особого не обращает и никогда не участвует ни в одной из тех игр, которые они затевают. Я сразу поняла, что у Сюзанны на уме.

Всякие там чудики и неудачники, разумеется, стоят в самом конце. Ну и чернокожие, конечно; эти живут по ту сторону Холма, всегда держатся вместе и ни с кем из нас не разговаривают. За чернокожими пристроились: Клод Мёнье, который очень сильно заикается, Матильда Шагрен, она страшно толстая, а за ними – девочки-мусульманки, их в школе около дюжины, они тоже держатся вместе, и это они в начале четверти подняли такой шум из-за запрета носить головные платки. Они и сейчас все в платках: надевают их сразу же, как только выйдут за ворота школы, хотя в школе им носить платки не разрешают. Сюзи считает, что зря они, дуры такие, носят эти платки, потому что им надо быть как все, если они и впредь намерены жить в нашей стране, – но это она просто повторяет слова Шанталь. Я, например, совершенно не понимаю, почему вокруг этих несчастных платков вообще столько шума, ну чем они отличаются от другой одежды – скажем, от маек или джинсов? По-моему, каждый сам выбирает, что ему носить.

А Сюзи по-прежнему пялилась на Жана-Лу. Он высокий и, по-моему, довольно симпатичный, у него черные волосы и челка в пол-лица. Ему двенадцать лет – он нас всех на год старше и вообще-то должен был бы учиться в следующем классе. Сюзи говорит, что он остался на второй год, а по-моему, он очень способный и в классе один из лучших. Жан-Лу очень многим девчонкам нравится, но сегодня мне показалось, что он просто из кожи вон лезет, чтобы выглядеть крутым: прислонился к столбу на остановке и все вокруг изучает в объектив своей маленькой цифровой камеры, с которой, похоже, вообще не расстается.

– Ах, боже мой! – вздохнув, прошептала Сюзи.

– Послушай, – предложила я ей, – может, тебе хоть раз все-таки поговорить с ним по-человечески?

Она тут же яростно на меня зашикала, а Жан-Лу быстро глянул в нашу сторону – мол, что это за шум? – и снова уткнулся в объектив. Сюзи, покраснев еще сильнее, пискнула, нырнув в капюшон своего анорака:

– Он на меня посмотрел! – и повернулась ко мне, тараща глаза от возбуждения. – Слушай, я собираюсь сделать себе «перышки». Я знаю хорошую парикмахерскую, там Шанталь стрижется и красится. – Сюзи так стиснула мою руку, что мне стало больно. – Если хочешь, пойдем вместе. Я буду делать «перышки», а тебе волосы могут выпрямить...

– Оставь мои волосы в покое, – сказала я.

– Давай, Анни! Это же будет клево! И потом...

– Я сказала, оставь мои волосы в покое! – Теперь я уже по-настоящему начинала сердиться. – Чего ты к ним привязалась?

– Ах, ты совершенно безнадежна! – раздраженно воскликнула Сюзи. – Ты же выглядишь как ненормальная! Неужели тебе все равно?

Это она тоже отлично умеет. Задать совершенно ненужный вопрос, который на самом деле вопросом вовсе и не является.

– А чего мне беспокоиться?

Я пожалала плечами, хотя от гнева у меня даже в носу щипало, как будто чихнуть хочется, я понимала: еще немного – и гнев мой все-таки прорвется наружу, хочу я этого или нет. И тут я вспомнила, о чем говорила мне Зози в «Английском чае», и мне страшно захотелось сделать что-нибудь такое, чтобы с физиономии Сюзанны слетело это самодовольное выражение. Нет, причинять ей вред я вовсе не собиралась, но проучить ее, безусловно, следовало.

Спрятав за спину руку, я скрестила пальцы в магическом жесте и мысленно сказала Сюзанне...

«Посмотрим для разнообразия, как тебе это понравится».

И мне показалось, что я мельком успела увидеть, как переменялось вдруг лицо Сюзи, как странно блеснули ее глаза, и сразу, прежде чем я смогла как следует что-либо рассмотреть, все стало как прежде.

– Пусть я лучше буду ненормальной, чем жалким клоном! – заявила я.

Повернулась и пошла в конец очереди. Все так и усталились на меня, а Сюзи застыла с выпученными глазами на прежнем месте, сразу став ужасно некрасивой, даже уродливой со своими рыжими волосами, багровым лицом и разинутым от изумления ртом.

Я спокойно поджидала прибытия автобуса, пытаюсь понять, хотелось мне, чтобы она пошла за мной, или нет. Возможно, я рассчитывала, что она сразу прибежит, но этого не произошло, а в автобусе она села рядом с Сандрин и ни разу в мою сторону даже не посмотрела.

Придя домой, я попыталась рассказать об этом маме, но она оказалась очень занята – одновременно разговаривала с Нико, перевязывала лентой коробку с ромовыми трюфелями и готовила для Розетт какую-то еду, а я еще, как назло, не могла найти нужных слов, чтобы рассказать о своих переживаниях.

– Просто не обращай на них внимания, – сказала она наконец, наливая молоко в медную кастрюльку. – Вот, присмотри, пожалуйста, за молоком, хорошо, Нану? Просто чуточку помешивай – и все, а я пока на этой коробке бант сделаю...

Она держит все, что нужно для приготовления горячего шоколада, в шкафчике у задней стенки кухни. А на передней стенке висят медные миски, сковородки и несколько сверкающих формочек, чтобы делать из шоколада всякие фигурки; на столе стоит гранитная ступка с пестиком для растирания зерен. И в общем, сейчас она почти ничем этим не пользуется, а

большую часть всякой старинной утвари и вовсе спрятала в подвал, потому что еще до того, как умерла мадам Пуссен, крайне редко готовила что-нибудь такое, особенное, как раньше.

Но для горячего шоколада у нее время всегда находится, она готовит его с молоком, с тертым мускатным орехом, с ванилью, с перцем чили, с коричневым сахаром и с кардамоном, а шоколад использует только чистый, семидесятипроцентный – только такой, по ее словам, и стоит покупать. Вкус у сваренного ею шоколада богатый и чуточку горьковатый, как у карамели, когда она начинает подгорать. Перец придает ему остроты – это очень легкий, совершенно особый привкус, а специи – «церковный» аромат, отчего-то напоминающий мне Ланскне и те вечера, когда мы сидели с ней вдвоем в своей квартирке над магазином, и Пантуфель был рядом со мной, и на столике – точнее, на перевернутом ящике из-под апельсинов – горели свечи.

Здесь, конечно, мы ящиками из-под апельсинов не пользуемся. В прошлом году Тьерри полностью обновил нам кухню. В общем, правильно. В конце концов, это же он здесь хозяин, и денег у него много, да и порядок он в своем доме вроде бы обязан поддерживать. Но мама отчего-то вдруг засуетилась, принялась готовить ему на новой кухне какой-то особенный обед. Господи, как будто у нас никогда раньше не было кухни! В общем, теперь у нас даже кружки на кухне новые, и на них причудливым шрифтом написано «Шоколад». Тьерри купил их – по одной для каждый из нас и еще одну для мадам Пуссен, – хотя сам-то он горячий шоколад совсем не любит (это я точно знаю, потому что он всегда кладет туда слишком много сахара).

Раньше я всегда пила из своей собственной кружки, которую подарил мне Ру, – пузатой, красной, чуточку шербатой, с нарисованной на ней буквой «А», что значит «Анук». Но теперь ее больше нет; и я даже не помню, что с ней случилось. Возможно, она разбилась или мы ее где-то оставили. Впрочем, не важно. Все равно я шоколад больше не пью.

– Сюзанна говорит, что я странная, – сказала я, когда мама вернулась на кухню.

– Никакая ты не странная, – ответила она, растирая стручок ванили. Шоколад был уже почти готов и тихонько булькал в кастрюльке. – Хочешь? – предложила она мне. – Хорошо получилось.

– Нет, спасибо.

– Ну как хочешь.

Она отлила немного в чашку для Розетт и добавила туда сливки и шоколадную стружку. Выглядело очень аппетитно, а пахло еще лучше, но я постаралась, чтобы она не заметила, как мне хочется отведать ее шоколада. Сунув нос в буфет, я обнаружила там половинку круассана, оставшуюся от завтрака, и немного варенья.

– Не обращай ты внимания на эту Сюзанну, – сказала мама, наливая себе шоколад в кофейную чашечку. Я заметила, что ни она, ни Розетт кружками с надписью «Шоколад» не пользуются. – Мне такие, как она, хорошо знакомы. Постарайся лучше подружиться с кем-нибудь другим.

Легко сказать – постарайся подружиться! – думала я. Да и какой смысл стараться? Все равно ведь никто со мной дружить не захочет. У меня уродские волосы, уродская одежда, и сама я уродина...

– С кем, например? – спросила я.

– Ну, я не знаю. – В голосе у нее послышалось нетерпение, и она принялась убирать в шкафчик специи. – Ведь наверняка же есть кто-то, с кем ты ладишь.

Но я же не виновата, что это они со мной не ладят! Почему мама думает, что все дело именно во мне? Что это со мной так трудно ладить? Дело в том, что она-то никогда по-настоящему в школу и не ходила – она говорит, что всему училась на практике, – а потому и знает о школе только то, что прочла когда-то в детских книжках или увидела через забор. Поверь, мама, по ту сторону забора, на школьном дворе идет совсем другая игра, далеко не такая замечательная, как, например, хоккей!

– Ты что-то еще хочешь мне сказать?

И снова это нетерпение в голосе, и этот тон, в котором так и слышится: «Ты должна быть благодарной, ведь я столько труда положила, чтобы привезти тебя сюда, отправить в хорошую школу, спасти от той жизни, какую вела я сама...»

– Могу я тебя кое о чем спросить? – решила я.

– Конечно, Нану. А в чем дело?

– Мой отец был чернокожим?

Она вздрогнула – едва заметно, я бы и внимания на это не обратила, но аура ее так и вспыхнула.

– Так Шанталь из нашего класса считает.

– Правда?

Мама отрезала Розетт кусочек хлеба. Хлеб, нож, пролитый шоколад. Розетт крутит хлеб в своих крошечных обезьяньих лапках. У мамы на лице застыло выражение крайней сосредоточенности. И невозможно понять, о чем она сейчас думает. И глаза у нее черные-черные, чернее самой черной Африки, и прочесть по ним что-либо нельзя.

– А что, это имело бы для тебя какое-то значение? – спросила она наконец.

– Не знаю, – буркнула я, пожав плечами.

Она вдруг повернулась ко мне и на мгновение словно стала той, прежней, которой всегда было плевать, что о ней думают другие.

– Видишь ли, Анук, – медленно промолвила она, – я довольно долго считала, что тебе вообще никакой отец не нужен. Мне казалось, что мы с тобой всегда будем только вдвоем, как это было и у меня с моей матерью. А потом появилась Розетт, и я подумала: что ж, может, все-таки стоит...

Она не договорила и улыбнулась. А потом так ловко сменила тему, что я далеко не сразу догадалась: она и не думала ее менять – это как в том ярмарочном фокусе с шариком и тремя наперстками.

– Ты ведь к Тьерри хорошо относишься, верно? – спросила она.

Я снова пожала плечами:

– Ну да, он ничего.

– Я так и думала. Он-то тебя любит...

Я откусила кусочек круассана. Розетт, сидя на маленьком стульчике, играла, уже успев превратить свой ломтик хлеба в самолет.

– Дело вот в чем: если кому из вас он не нравится...

Тьерри и в самом деле не особенно нравится мне. Он слишком громогласный, пропах своими сигарами и вечно прерывает маму, когда она говорит, меня называет *jeune fille*, словно это какая-то шутка, а Розетт вообще не воспринимает и ничего не может понять, если она пытается что-то объяснить ему знаками. А еще он любит повторять всякие длинные слова и разъяснять их значение, как будто я никогда раньше таких слов не слышала!

– Он ничего, – вяло повторила я.

– Тогда... В общем, Тьерри хочет на мне жениться.

– И давно? – спросила я.

– Впервые он заговорил со мной об этом еще в прошлом году. Но я ответила, что пока что не хотела бы ни с кем связывать свою судьбу, что у меня сейчас хватает забот и с Розетт, и с мадам Пуссен, и он сказал, что с удовольствием подождет. Но теперь мы остались одни...

– Ты ведь не сказала ему «да»? Не сказала?

Я выкрикнула это слишком громко, и Розетт тут же закрыла уши руками.

– Все слишком сложно.

Голос у мамы звучал устало.

– Ты всегда так говоришь!

– Это потому, что всегда все действительно очень непросто.

Но почему? Не понимаю. По-моему, все ясно. Она никогда раньше не была замужем, верно? Ну и с какой стати ей теперь-то замуж выходить?

– В нашей жизни многое переменялось, Нану, – сказала она.

– Многое – это что, например?

Мне действительно хотелось понять.

– Например, то, как обстоят дела с нашей chocolaterie. За аренду уплачено до конца года, но потом... – Мама вздохнула. – Сохранить ее будет нелегко. А просто так брать деньги у Тьерри я не могу. Хотя он все время их мне и предлагает. Это было бы неправильно. Вот я и подумала...

Я так и знала: что-то такое случилось. Только я думала, что мама печалится из-за мадам Пуссен. Теперь-то ясно: печалится она из-за Тьерри и опасается, что я могу расстроить их планы.

Их планы... Я легко могла себе представить, как все это будет выглядеть: мама, папа и две девочки в стиле историй графини де Сегюр. Мы бы ходили в церковь, каждый день ели бы steack-frites³¹, носили бы одежду, купленную в галерее Лафайет. На письменном столе у Тьерри стояла бы фотография – профессионально выполненный портретный снимок: я и Розетт, разряженные в пух и прах.

Не поймите меня неправильно; я же сказала: он ничего. И все же...

– Ну? – спросила мама. – Ты что, язык проглотила?

Я откусила еще кусочек круассана и выдавила из себя:

– Да не нужен он нам.

– Но кто-нибудь нам обязательно нужен! Я думала, что ты хотя бы это поймешь. Тебе нужно учиться, Анук. Тебе нужен нормальный дом... отец...

Не смешите меня. Отец? Да ладно! Она же всегда говорила: «Ты сама выбираешь себе семью». Но разве она предоставляет мне возможность выбора?

– Анук, – сказала она, – я делаю это для тебя...

– Да как угодно.

Я пожала плечами и отправилась доедать свой круассан на улицу.

---

³¹ Бифштекс с жареной картошкой (фр.).

Глава 8

10 ноября, суббота

Утром я зашла в chocolaterie и купила коробку «пьяной вишни». Янна была там, и при ней малышка. Покупателей, кроме меня, не было, но она почему-то заторопилась, увидев меня, и, по-моему, ей стало немного не по себе, да и конфеты, когда я их попробовала, оказались самыми обыкновенными.

– Когда-то я сама такие конфеты делала, – сказала Янна, вручая мне перевязанную бумажной лентой коробку. – Но с «пьяной вишней» всегда столько возни, а времени у меня в обрез. Надеюсь, вам понравится.

Я с притворной жадностью сунула одну конфету в рот.

– Мечта! – воскликнула я, хотя вишня напоминала скорее маринованную, а не «пьяную».

На полу за прилавком Розетт что-то тихонько напевала, стоя на четвереньках среди разбросанных карандашей и листков разноцветной бумаги.

– Она разве в детский садик не ходит?

Янна покачала головой.

– Я предпочитаю сама за ней присматривать.

Что ж, это заметно. Впрочем, заметно и кое-что еще, особенно когда как следует приглядишься. За этой небесно-голубой дверью скрывается множество вещей, которых обычные покупатели просто не замечают. Во-первых, помещение старое и явно требует ремонта. Витрина, правда, оформлена вполне симпатично – разными хорошенькими баночками и коробочками, да и стены в магазине выкрашены веселой желтой краской, но сырость все равно не скроешь, она притаилась в углах и под полом и свидетельствует о нехватке и времени, и денег. Хотя, конечно, они кое-что предприняли, чтобы это скрыть: тонкая, похожая на паутину золотистая надпись как бы случайно оказалась именно в том месте, где на стене больше всего трещин, приветливо мерцает дверь, воздух пропитан роскошными ароматами, обещающими нечто гораздо большее, чем эти второсортные шоколадки.

Попробуй. Испытай меня на вкус.

Левой рукой я незаметно начертала в воздухе магический знак – Глаз Черного Тескатлипоки. И тут же вокруг запылали цвета, подтверждавшие мои первоначальные подозрения. Это, безусловно, проявлялась чья-то волшебная сила, но вряд ли Янны Шарбонно. У этого многоцветного сияния слишком молодой, наивный, взрывной оттенок, что свидетельствует о душе, еще необученной.

Анни? А кто еще? Неужели ее мать? Ну что ж. В ней действительно есть нечто такое, что не дает мне покоя, хотя я заметила это лишь однажды – в самый первый день, когда она открыла дверь, услышав свое имя. Тогда у нее и аура была ярче; и что-то подсказывает мне: те яркие цвета вообще ей свойственны, хоть она и старается это скрыть.

Розетт по-прежнему рисовала на полу, напевая свою простенькую песенку. «Бам-бам-баммм... Бам-бадда-баммм...»

– Идем, Розетт. Тебе пора спать.

Но Розетт даже головы не подняла. Только пение стало чуть громче; теперь она сопровождала его еще и ритмичным постукиванием ножки, обутой в сандалию. «Бам-бам-баммм...»

– Ну хватит, Розетт, – ласково сказала Янна. – Давай-ка уберем твои карандаши.

Розетт и на это предложение никак не отреагировала.

– Бам-бам-баммм... Бам-бадда-баммм... – И под это пение ее аура из нежно-золотистого цвета осенних хризантем превратилась в ярко-оранжевую, и она со смехом протянула ручонки, словно пытаясь поймать в воздухе падающие лепестки. – Бам-бам-баммм... Бам-бадда-баммм...

– Тише, Розетт!

Вот теперь я отчетливо почувствовала, до какой степени Янна напряжена. И напряжение это свидетельствовало не столько о растерянности – из-за того, что дочка не желает ее слушаться, – сколько о приближающейся опасности. Она подхватила Розетт, которая продолжала беззаботно, как птичка, напевать, и, слегка сдвинув брови, извинилась передо мной.

– Вы уж нас простите. Она всегда так, когда переутомится. Просто ей спать пора.

– Ничего страшного. Она у вас такая умница, – сказала я.

С прилавка вдруг упала кружка с карандашами. И карандаши покатались по полу во все стороны.

– Бам, – сказала Розетт, указывая на рассыпавшиеся карандаши.

– Извините, но мне нужно поскорее уложить дочку. – Янна начинала нервничать. – Она, если днем не поспит, к вечеру становится просто неуправляемой.

Я снова посмотрела на Розетт: ни переутомленной, ни слишком возбужденной она мне вовсе не показалась. А вот мать ее выглядела действительно усталой, даже измученной. В лице ни кровинки, и эта стрижка – слишком резкое каре – ей совсем не идет, и дешевый черный свитер тоже, она в нем кажется бледной как смерть.

– Вы хорошо себя чувствуете? – участливо спросила я.

Она кивнула.

Лампочка в единственном светильнике у нее над головой вдруг замигала. Ох уж эти старые дома! Вечно в них проводка никуда не годится.

– Вы уверены? Что-то вы побледнели.

– Просто голова болит. Ничего страшного.

Знакомые слова. Сильно сомневаюсь, что она говорит правду: она так прижимает девочку к себе, словно боится, что я могу ее выхватить.

А вы как думаете? Могу? Я дважды была замужем (хотя оба раза под чужим именем), но мне ни разу даже в голову не пришло обзавестись ребенком. Я слышала, что с детьми столько хлопот и всяких сложностей, да и работа моя ни в коем случае не позволяет мне таскать за собой лишний багаж.

И все же...

Я незаметно шевельнула пальцами, изобразив в воздухе символ бога Шочипилли³². Среброязыкий Шочипилли, бог сновидений и пророчеств. Не то чтобы меня так уж особенно интересовали пророчества. Но даже ни к чему не обязывающая беседа может порой дать весьма полезные плоды, а для таких, как я, любая информация – драгоценная валюта.

Магический символ повисел, сверкая, в темном воздухе секунду или две и растаял, точно колечко серебристого дыма.

Какое-то время все было по-прежнему.

В общем-то, если честно, я ничего особенного и не ожидала. Но меня разбирало любопытство, и, кроме того, неужели она не даст мне хотя бы крошечного удовлетворения после всех моих усилий?

В общем, я снова изобразила символ Шочипилли, шепчущего бога, раскрывающего секреты и обеспечивающего доверие. И на этот раз результат превзошел все мои ожидания.

Во-первых, сразу же вспыхнули все цвета ее ауры. Не слишком сильно, но достаточно ярко, точно пламя в газовой горелке, когда чуть повернешь ручку. И почти в тот же миг солнечное настроение Розетт резко переменилось. Она стала выгибаться на руках у матери, отталкивая ее, вырываясь и протестуя. А та лампочка, что все время мигала, вдруг взорвалась с

---

³² Шочипилли (Кочипилли) – «Повелитель цветов», бог музыки и красоты, брат-близнец Шочикецаль, богини любви и цветов. Несмотря на свой добрый нрав и положительные обязанности, Шочипилли всегда изображается с черепом в руках. Впоследствии Шочипилли и Шочикецаль стали ассоциироваться с центральными богами пантеона – богом-творцом Кецалькоатлем и богом неба и солнца Уицилопочтли.

неожиданно резким звуком, а в витрине рассыпалась пирамидка из жестянок с печеньем – причем с таким грохотом, который и мертвого разбудил бы.

Янна Шарбонно пошатнулась, потеряла равновесие и, невольно шагнув вбок, ударила бедром о прилавок.

На прилавке стоял небольшой открытый поставец с хорошенькими хрустальными тарелочками, полными засахаренного миндаля в розовых, золотых, серебряных и белых обертках. Поставец покачнулся, Янна инстинктивно придержала его, но одна из тарелочек все же упала на пол.

– Розетт!

Янна чуть не плакала.

Я услышала, как тарелочка со звоном разбилась, а конфеты разлетелись по терракотовым плиткам пола.

Но на пол я не смотрела: я не сводила глаз с Янны и Розетт – аура девочки теперь так и пылала, мать же ее застыла, точно каменное изваяние.

– Давайте я помогу.

Я наклонилась и стала собирать конфеты и осколки.

– Нет, прошу вас...

– Да я уже все собрала.

Я чувствовала, как сильно она напряжена, почти готова взорваться. И уж конечно, не из-за разбитого блюда – насколько я знаю, такие женщины, как Янна Шарбонно, не станут рвать на себе волосы из-за какой-то стекляшки. Зато курок может спустить любая, самая неожиданная мелочь: неудачный день, головная боль, доброта незнакомого человека.

И тут я краем глаза увидела существо, скорчившееся под прилавком.

Оно было очень ярким, золотисто-оранжевым и казалось нарисованным чьей-то неумелой рукой, но по его длинному изогнутому хвосту и ясным маленьким глазкам я достаточно легко догадалась, что это, видимо, некая разновидность обезьянки. Я резко повернулась, чтобы как следует рассмотреть ее мордочку, но она оскалилась, продемонстрировав мне свои острые клыки, и мгновенно растворилась в воздухе.

– Бам, – сказала Розетт.

Воцарилось долгое молчание.

Я взяла в руки «разбитую» тарелочку – хрустальную, из Мурано³³, с изящными желобками по краям. Но я же слышала, как она разбилась – взорвавшись, точно шутиха, – и как ее осколки шрапнелью рассыпались по плиткам пола! И все же я держала в руках совершенно целую тарелку. Словно ничего и не случилось!

«Бам», – подумала я.

Под ногами у меня все еще похрустывали конфеты – точно кто-то их грыз. Теперь уже Янна Шарбонно молча наблюдала за мной, и это опасное молчание окутывало нас все плотнее, точно шелковый кокон.

Я могла бы сказать: «Ах, как удачно» – или просто без единого слова поставить тарелочку на прилавок, но я понимала: теперь или никогда. «Нанеси удар сейчас, когда она почти не сопротивляется, – сказала я себе. – Возможно, второй такой возможности тебе уже не представится».

Так что я посмотрела Янне прямо в глаза, направив на нее всю мощь своих чар, и сказала: – Ничего страшного. Я знаю, что вам сейчас нужно.

Она слегка вздрогнула, застыла, но глаз не отвела, на лице ее было написано неповиновение и высокомерное непонимание.

А я взяла ее за руку и с нежной улыбкой пояснила:

---

³³ Мурано – пригород Венеции, славящийся своими изделиями из стекла и хрусталя.

– Горячий шоколад! Горячий шоколад по моему особому рецепту. С перцем чили, мускатным орехом и арманьяком; добавим также щепотку черного перца. Ладно, ладно, не спорьте. И малышку возьмите с собой.

Она молча последовала за мной на кухню.

Итак, я своего добилась.

Часть третья

Кролик номер два

Глава 1

14 ноября, среда

Я никогда не хотела быть ведьмой. Никогда не мечтала об этом – хотя моя мать клялась, что слышала мой зов за несколько месяцев до того, как я у нее появилась. Я этого, конечно, не помню; мое раннее детство – это сплошной калейдоскоп мест, запахов и людей, сменявшихся со скоростью курьерского поезда. Мое детство – это переход через границы без документов, бесконечные странствования под различными именами, ночные бегства из дешевых гостиниц, рассветы каждый раз в новом месте – и бегство, постоянное бегство неведомо куда, словно это единственная возможность выжить, незаметно просочиться по артериям, венам, капиллярам различных дорог, изображенных на карте, не оставляя позади ничего, даже собственной тени.

«Ты сама выбираешь себе семью», – говорила мать. Совершенно очевидно, что мой отец не принадлежал к избранным ею.

«Да зачем он нам, Вианн? Отцы вообще не считаются. Нам с тобой и так хорошо...»

Честно говоря, я по отцу и не скучала. Да и чего мне скучать? Его в моей жизни и не было никогда, так что сравнивать, хорошо с ним или плохо, я не могла. Я представляла его себе темноволосым и немного зловещим, чем-то похожим, пожалуй, на того Черного Человека, от которого мы вечно спасались. Кроме того, я обожала мать и очень любила тот мир, который мы сами для себя создали и несли с собой повсюду, куда бы ни пошли; и в этот мир вход обычным людям был заказан.

«Потому что мы особенные, не такие, как все», – говорила мать. Мы много повидали; мы обрели профессиональную сноровку. И повсюду мы поступали по принципу «ты сама выбираешь себе семью», обретая там сестру, тут бабушку – везде нам встречались знакомые лица одного с нами роду-племени, разбросанного по всему свету. Но насколько я могу судить, мужчин в жизни моей матери не было никогда.

За исключением того Черного Человека, разумеется.

«Неужели моим отцом был тот Черный Человек?» Меня потрясло, когда я услышала примерно такой же вопрос от Анук и поняла, как близко она к этому подошла. Я и сама рассматривала такую возможность, когда мы, в очередной раз спасаясь бегством, не успевали порой даже блузку в юбку заправить – так и бежали с размалеванными лицами, в карнавальных костюмах, которые ветер вскоре превращал в лохмотья. Черного Человека, конечно, в действительности не существовало. И в итоге я пришла к выводу, что и моего отца тоже.

И все же любопытство иногда брало верх, и время от времени я – в Нью-Йорке или Берлине, в Венеции или в Праге – начинала искать его глазами в толпе, надеясь, наверное, сразу же его узнать, одинокого, с такими же, как у меня, темными глазами...

А мы с матерью все бежали, бежали куда-то. Сперва, казалось, просто из удовольствия; потом это, как и все прочее, стало привычкой; потом – привычной работой. А под конец я стала считать, что для моей матери это единственный способ продлить жизнь, ибо рак уже пожирал ее тело, проникая в кровь, в мозг, в кости.

Именно тогда мать впервые и упомянула о той девочке. А я, помнится, решила, что это просто бред, вызванный сильным болеутоляющим, которое она принимала. И она ведь действительно потом стала бредить, но тогда конец был уже совсем близок. Она рассказывала

истории, абсолютно не имевшие смысла, без конца говорила о Черном Человеке, изливала душу каким-то людям, которых вообще рядом с нею не было.

Та девочка, чье имя так сильно напоминало мое собственное, могла быть просто порождением ее зыбкого в этот период сознания – неким архетипом, анимой, или случайно запомнившимся героем газетного материала, или просто очередным пропавшим в Париже ребенком с темными волосами и глазами, которого дождливым днем украли возле сигаретного киоска.

Сильвиан Кайю. Она исчезла, как исчезают многие дети: в возрасте полутора лет была украдена прямо из автомобиля, остановившегося у аптеки неподалеку от Ла-Вилетт. Девочку украли вместе с сумкой, где лежали ее ползунки, подгузники и игрушки; мать утверждала потом, что на ручке у малышки был дешевый серебряный браслетик с амулетом «на счастье» в виде кошечки.

Это была не я. Такого просто быть не могло. А даже если это и так, то после стольких лет...

«Ты сама выбираешь себе семью, – говорила мать. – Я вот выбрала тебя, а ты – меня. А та девушка... разве стала бы она так тебя любить и лелеять, как я? Да разве она понимала, как о тебе нужно заботиться? Разве она сумела бы так разрезать яблоко, чтобы внутри получилась “звездочка”? Разве сумела бы научить тебя собирать лекарственные травы или отгонять демонов, стуча по сковородке? Или песенкой убаюкивать ветер? Нет, ничему этому она бы тебя научить не смогла...»

«И разве мы с тобой плохо жили, Вианн? Разве я не пообещала тебе, что все у нас будет хорошо?»

Он и до сих пор у меня, этот амулет в виде кошечки. Самого браслетика я не помню – возможно, мать продала его или кому-нибудь подарила, – зато помню некоторые игрушки: красного плюшевого слона и маленького коричневого медведя, одноглазого и горячо любимого. Тот амулет, перевязанный красной ленточкой, по-прежнему лежит в материнной шкатулке – дешевая побрякушка из тех, какие может купить и ребенок. Там же хранятся ее гадальные карты и еще кое-что: например, наша с ней фотография, на которой мне лет шесть, брусок сандалового дерева, какие-то газетные вырезки, кольцо. И рисунок, который я сделала в своей первой – и единственной – школе в те дни, когда мы еще хотели где-нибудь осесть и жить на одном месте.

Разумеется, я никогда не носила тот амулет. А теперь мне даже прикасаться к нему неприятно; в нем заперто слишком много тайн, которым, точно запаху, нужно всего лишь человеческое тепло, чтобы вырваться наружу. Как правило, я вообще ни к чему в этой шкатулке не прикасаюсь – но все же не решаюсь просто выбросить ее. Когда вещей слишком много, они тормозят, но когда их становится слишком мало, тебя может унести ветром, точно пух одуванчика, и ты навсегда потеряешь себя.

Зози у нас всего четыре дня, и ее присутствие уже ощущается во всем, к чему бы она ни прикоснулась. Не знаю, как это вообще получилось, – временная слабость, наверное. Я ведь совершенно не собиралась предлагать ей работу. Во-первых, у меня нет возможности нормально платить ей, хотя она вроде бы с радостью согласна подождать, когда у меня такая возможность появится; а во-вторых, уж больно естественно она чувствует себя у нас в доме, словно всю жизнь рядом со мной прожила.

Все началось в тот день, когда Розетт совершила очередной Случайный Поступок. Тогда Зози сама приготовила шоколад, и мы все вместе пили его на кухне, и он был горячий и сладкий, со свежим перцем и шоколадной стружкой. Розетт тоже выпила немножко из своей маленькой кружечки и принялась играть на полу, а я сидела и молчала – и все это время Зози наблюдала за мной, улыбаясь и щурясь, как кошка.

Обстоятельства были исключительные. В любой другой день, в любое другое время я была бы подготовлена куда лучше. Но только не в тот день, когда у меня в кармане по-прежнему

лежало кольцо Тьерри, и Розетт вела себя из рук вон плохо, и Анук примолкла и замкнулась, едва услышав о возможной свадьбе, и впереди был еще долгий пустой день...

В любое другое время я держалась бы стойко. Но в тот день...

«Ничего страшного. Я знаю, что вам сейчас нужно».

Ну и что, собственно? Что она знает? Что тарелочка, которая разбилась, вновь стала целой? Но это же просто смешно, никто этому не поверит, и уж тем более тому, что подобный фокус сотворил ребенок, которому еще и четырех нет, который еще и говорить-то не умеет.

– У вас усталый вид, Янна, – заметила Зози. – Тяжело, должно быть, везти такой воз.

Я молча кивнула.

Воспоминание о том, что сделала Розетт, о той Случайности, стояло между нами, точно тарелка с последним куском торта под конец вечеринки.

«Только не произноси этого вслух, – мысленно сказала я ей, как не раз пыталась сказать и Тьерри. – Пожалуйста, не произноси этого вслух; не облачай это в словесную форму».

И мне показалось, что я услышала ее краткий ответ. Вздох, улыбка, промельк чего-то едва заметного, как бы скрытого тенью. Мягкое шуршание карт, пахнущих сандалом.

Молчание.

– Мне не хочется говорить об этом, – сказала я.

Зози пожала плечами.

– Тогда пейте шоколад.

– Но вы же заметили.

– Я много чего заметила.

– Например?

– Например, что у вас усталый вид.

– Я плохо сплю.

Какое-то время она молча смотрела на меня. Глаза у нее совершенно летние, с золотистыми крапинками. «Мне бы следовало знать, что ты любишь больше всего, – подумала я почти сонно. – А может, я просто утратила сноровку...»

– Знаешь, что я тебе скажу... – Она вдруг перешла на ты. – Давай я пока присмотрю за магазином. Я ведь даже родилась в магазине – я хорошо знаю, как себя нужно вести. А ты возьми Розетт и немного приляг. Если ты мне понадобишься, я тебе крикну. Ступай. Мне будет даже забавно пообщаться с покупателями.

Это было всего четыре дня назад. И больше никто из нас о том дне не сказал ни слова. Розетт, разумеется, еще не понимала, что в реальном мире разбитая тарелка должна оставаться разбитой, как бы сильно мы ни хотели, чтобы было иначе. А Зози не сделала ни малейшей попытки вновь поднять этот вопрос, за что я очень ей благодарна. Она-то, разумеется, понимает: случилось нечто особенное, но, похоже, относится к этому вполне спокойно.

– А в каком магазине ты родилась, Зози?

– В книжном. Знаешь, типа «Нью эйдж».

– Правда? – удивилась я.

– Моя мать увлекалась магией, которую можно купить в магазине, и сама продавала всякие такие вещи – карты Таро, всевозможные благовония и свечи – накачанным дурью хиппи, безденежным, с грязными патлами.

Я улыбнулась, хотя слова ее слегка встревожили меня.

– Но это было очень давно, – сказала она. – Я теперь почти ничего уже и не помню.

– Но ты все еще... веришь? – спросила я.

Она улыбнулась.

– Я верю, что мы могли бы кое-что изменить.

Я промолчала.

– А ты?

– Когда-то верила, – сказала я. – Теперь уже нет.

– Могу я спросить почему?

Я покачала головой.

– Нет. Может быть, потом.

– Ладно, – кивнула она.

Я знаю, знаю. Это опасно. Каждый поступок – даже самый маленький – имеет свои последствия. За магию приходится платить высокую цену. Ох и много же времени мне потребовалось, чтобы это понять – я поняла это только после Ланскне, после Ле-Лавёз, – зато теперь, когда последствия наших бесконечных странствий расходятся вокруг нас, точно круги от брошенного камня на поверхности озера, все представляется мне удивительно ясным.

Взять, к примеру, мою мать, такую щедрую на подарки, вечно направо и налево раздававшую амулеты на счастье и словно излучавшую доброжелательность, тогда как рак у нее внутри рос, точно проценты на депозитном счету, которого у нее никогда в жизни не было. У вселенной свои расчетные книги, свой баланс. Даже такие мелочи, как амулет на счастье, волшебный фокус, магический круг, нарисованный на песке, требуют оплаты. Полностью. Кровью.

Видите ли, в этом есть своя симметрия. За каждый кусочек счастья – удар; за каждого, кому поможешь, – боль. Повесишь красное шелковое саше над дверью – и на чью-то еще дверь падет тень. Зажжешь свечу, чтобы отогнать беду, – и чей-то дом на той стороне улицы вдруг вспыхнет и сгорит дотла. Устроишь праздник шоколада – и умрет твой друг.

Невезение.

Случайность.

Именно поэтому я и не могу полностью довериться Зози. Хотя ее доверие мне тоже терять не хочется – она слишком нравится мне. Да и детям, по-моему, тоже. Есть в ней что-то молодое, даже юношеское, куда более близкое Анук, чем мне, а потому для Анук она гораздо понятнее и доступней.

Возможно, все дело в ее длинных светло-каштановых волосах, она их носит распущенными, а переднюю прядь выкрасила в розовый цвет; а может – в ее невероятно ярких, пестрых одежках, точно приобретенных в детском отделе благотворительной лавки и надетых как бы впопыхах, но отчего-то удивительно ей подходящих. Сегодня, например, она надела платье в талию в стиле 50-х годов, небесно-голубого цвета, с рисунком из корабликов, и желтые балетки, совершенно неподходящие для ноября, – но ей, судя по всему, на такие условности плевать.

Я помню, что когда-то и сама была такой же. Я помню свое пренебрежение условностями и этот постоянный вызов. Но материнство все меняет. Материнство делает из нас трусих. Трусих, обманщиц и... кое-кого похуже.

Ле-Лавёз. Анук. И... о, тот ветер!

Четыре дня – и я не устаю удивляться себе: я ведь доверяю Зози не просто присматривать за Розетт, как это раньше делала мадам Пуссен, но и множество других дел, связанных с работой в магазине. Завернуть, запаковать, прибрать, принять или сделать заказ – по ее словам, ей такая работа нравится, она якобы всегда мечтала работать в какой-нибудь *chocolaterie*. Впрочем, она никогда не позволит себе взять без спросу что-то готовое и съесть – как это, кстати, частенько делала мадам Пуссен – или, пользуясь своим положением, попросить разрешения взять домой образцы.

Тьерри я о ней пока ничего не сказала. Я и сама толком не знаю почему. Просто мне кажется, что он будет недоволен. Возможно, потому что я с ним не посоветовалась, а возможно, потому что ему наверняка не понравится Зози, ни капли не похожая на степенную мадам Пуссен.

С покупателями Зози чрезвычайно весела и любезна – иногда меня даже тревожит ее манера со всеми быть на дружеской ноге. Она постоянно что-то говорит, рассказывает всякие новости, перевязывая лентой коробки и взвешивая шоколадки. А еще у нее прямо-таки вол-

шебный дар заставлять людей рассказывать о себе; она интересуется, не болит ли у мадам Пино спина, запросто болтает с нашим почтальоном, знает, что больше всего любит Толстый Нико, вовсю флиртует с Жаном-Луи и Поподем, так называемыми художниками, которые ловят клиентов возле «Крошки зяблика», и охотно болтает со стариками Ришаром и Матуреном, которых она называет «наши патриоты»; они иногда заходят в кафе часов в восемь утра, а потом чаще всего сидят до обеденного перерыва.

Она уже и всех школьных подружек Анук знает по именам, она расспрашивает ее об учителях, советует ей, как одеваться. И все же при ней я ни разу не почувствовала себя не в своей тарелке, и она ни разу не задала мне ни одного из тех неприятных вопросов, которые любая на ее месте непременно уже задала бы.

Примерно так же я чувствовала себя в обществе Арманды Вуазен – когда-то давно, еще в Ланскне. Той самой неуправляемой, непокорной злойки Арманды, чьи алые нижние юбки я все еще вижу порой краешком глаза, чей грозный голос, странным образом напоминающий мне голос моей матери, до сих пор звучит у меня в ушах, и я оборачиваюсь и начинаю искать ее глазами в толпе.

Зози, разумеется, совсем на нее не похожа. Арманде в пору нашего знакомства исполнилось восемьдесят, это была высохшая сварливая старуха. И все же что-то роднит их с Зози – одинаково вызывающая манера поведения, одинаковый аппетит к жизни и ко всему на свете. А если Арманда к тому же обладала и малой толикой того, что моя мать называла магией...

Но теперь у нас в доме о таких вещах не говорят. И этот молчаливый договор весьма строг. Стоит хоть слегка его нарушить, позволить вспыхнуть хотя бы самой маленькой искре – и снова наш маленький карточный домик вспыхнет и обратится в пепел. Такое уже случилось не раз – и в Ланскне, и в Ле-Лавёз, и еще в сотне мест до этого. Но теперь довольно. Хватит. На этот раз мы останемся – во что бы то ни стало.

Сегодня Зози пришла рано, даже Анук еще не успела уйти в школу. Зози всего часок пробыла в магазине одна – мне нужно было сводить Розетт на прогулку, – но я, вернувшись, магазин просто не узнала: он странным образом словно стал светлее, привлекательнее, просторнее. Зози даже витрину успела заново оформить: накрыла пирамиду из банок и коробок куском темно-синего бархата, который как бы стекал к ее подножию, а на вершину этой пирамиды поставила пару блестящих ярко-красных туфель на высоких каблуках, из которых изливался поток шоколадок, завернутых в красную и золотую фольгу.

Несколько эксцентрично, но внимание, безусловно, привлекает. Эти красные туфли – те самые, что были на ней в самый первый день нашего знакомства, – казалось, освещали темную витрину, а конфеты, словно сокровища из потаенного сундучка, рассыпались по синему бархату, отбрасывая разноцветные блики.

– Надеюсь, ты не против? – спросила Зози, как только я вошла. – Мне показалось, что это немного поднимет настроение.

– Мне нравится, – сказала я. – И туфли, и шоколадки...

Зози усмехнулась.

– Две самые большие мои страсти.

– Ну и... что же ты любишь больше всего? – спросила я.

Не то чтобы мне действительно так уж хотелось это узнать, но профессиональное любопытство заставило меня задать этот вопрос. Уже четыре дня прошло, а я до сих пор так и не догадалась, что же ей больше всего по вкусу.

Она пожала плечами.

– Мне всякий шоколад нравится. Но ведь покупные шоколадки – это все-таки не совсем то, верно? Ты сама говорила, что раньше все своими руками делала...

– Делала. Но у меня тогда и времени было больше...

Она посмотрела на меня.

– У тебя будет достаточно времени. Хочешь, я буду присматривать за магазином, а ты пока будешь творить свое волшебство на кухне?

– Волшебство?

Но Зози уже строила планы – по-моему, она даже не заметила, какое впечатление произвело на меня это обычное, в общем-то, слово – мы будем продавать особые трюфели, сделанные вручную – трюфели, кстати, готовить проще всего, – а затем, возможно, и mendiants, мое любимое лакомство, особенно если посыпать их миндальной стружкой и украсить консервированными вишнями и крупным желтым кишмишем.

Я могла бы приготовить mendiants и с закрытыми глазами. Их даже ребенок может приготовить; например, маленькая Анук часто помогала мне, когда мы жили в Ланскне: она выбирала самые крупные виноградины, самую сладкую клюкву (всегда откладывая в сторонку довольно щедрую порцию – для себя) и аккуратно, согласно определенному рисунку, распределяла их на пластинках еще мягкого шоколада, темного или светлого.

С тех пор я ни разу не готовила mendiants. Слишком сильно они напоминают мне о тех днях, о той маленькой булочной со снопом пшеницы над входом, об Арманде, о Жозефине, о Ру...

– За шоколадки, приготовленные вручную, ты можешь назначить любую цену, – говорила между тем Зози, словно не замечая моей задумчивости. – А если поставишь еще столик с парой стульев – вот здесь вполне можно расчистить немного места, – она показала мне, где именно следует поставить стол и стулья, – то покупатели смогут даже ненадолго присесть, выпить кофе или шоколаду и съесть кусочек пирожка. Это было бы славно, тебе не кажется? Мило, домашнему. В общем, отличный способ привлечь клиентов.

– Хм...

Я все еще сомневалась. Это было бы слишком похоже на Ланскне. Chocolaterie – это прежде всего магазин, а хозяева магазина не должны дружить с покупателями. Иначе в один прекрасный день случается неизбежное, и шкатулку, один раз открытую, уже невозможно снова захлопнуть. Кроме того, я примерно представляла, что по этому поводу скажет Тьерри...

– По-моему, не стоит, – наконец промолвила я.

Зози ничем не возразила, лишь молча на меня посмотрела. Я чувствовала, что весьма ее разочаровала. Странное чувство... и все же...

Интересно, когда это я стала такой боязливой? С каких пор стала всему придавать значение? И голос мой теперь звучит сухо и нервно, точно у ханжи, строгой блюстительницы нравов. Интересно, неужели Анук он тоже таким слышится?

– Да ладно. Я просто так предложила, – спокойно сказала Зози.

«И что в этом плохого? – думала я. – Это же всего лишь шоколад, в конце концов; ну, сделаю я несколько дюжин трюфелей – просто чтобы квалификации не терять, – и что с того? Тьерри, конечно, скажет, что я просто зря время теряю, но почему это должно меня останавливать? Какое мне дело, что он скажет?»

– Хотя... – неуверенно начала я, – можно было бы, пожалуй, сделать несколько коробок трюфелей к Рождеству...

У меня ведь целы все мои кастрюльки, сковороды и противни, медные и эмалированные; все они тщательно завернуты и сложены в кладовке. Я сохранила даже гранитную плиту, на которой обычно охлаждаю горячую глазурь, и все термометры для определения температуры растопленного сахара, и все пластиковые и керамические формочки, и все половнички, терки и особые ложки с прорезями. Все бережно хранится, чисто вымытое и полностью готовое к употреблению. Розетт, наверное, будет в восторге, подумала я... а уж Анук...

– Вот здорово! – воскликнула Зози. – Заодно ты и меня можешь научить.

А почему бы и нет? Что тут, собственно, плохого?

– Хорошо, – сказала я. – Я попробую.

Вот так все и началось. Я снова вернулась к любимому делу и не испытывала по этому поводу ни малейшего беспокойства. Даже если кое-какие сомнения у меня и оставались...

Ничего страшного в нескольких коробках трюфелей нет и быть не может. Как и в выставленном на продажу подносе mendiants или пирожных. Благочестивым вряд ли есть дело до таких тривиальных вещей, как шоколадки.

Во всяком случае, я очень на это надеюсь – и с каждым днем Вианн Роше, Сильвиан Кайю и даже Янна Шарбонно благополучно отступают в прошлое, превращаясь в дым, становясь просто выдумкой, чем-то вроде необязательной сноски или поблекшего списка имен на старом листке бумаги.

Мне непривычно ощущать кольцо на правой руке – пальцы мои давно отвыкли от всяких колец. Еще непривычнее это имя – Ле Трессе. Я примериваю его на себя, словно одежду, словно пытаюсь определить нужный размер, и то улыбаюсь, то хмурюсь.

Янна Ле Трессе.

Это просто имя.

«Чушь собачья, – слышу я в ушах голос Ру, отлично умеющего менять как имена, так и обличье, бродяги и цыгана, автора многих простых истин, всегда попадающего в самую точку. – Это не просто имя. Это приговор».

Глава 2

15 ноября, четверг

Так вот в чем дело! Она носит его кольцо. Тьерри, ну надо же, именно Тьерри! Тьерри, который не любит ее горячий шоколад, который ничего о ней не знает, даже ее настоящего имени! Она говорит, что пока никаких особых планов не строит. Говорит, что просто пытается привыкнуть к подаренному им кольцу. И носит его, точно пару туфель, которые необходимо разносить, чтобы они были по ноге.

По ее словам, свадьба будет самой скромной. Обычная регистрация брака; никаких священников, никакого обручения в церкви. Только вряд ли. Уж он-то своего добьется! Уж он-то все сделает как полагается – с огромным «кадиллаком», со свадебными нарядами для меня и Розетт. Вот ужас-то!

Я так и сказала Зози, и она, скорчив рожу, заявила: «Каждому свое», хотя это просто смешно, ведь, будучи в здравом уме, даже представить себе невозможно, чтобы эти двое могли по-настоящему полюбить друг друга.

Впрочем, он-то, наверное, ее как раз любит. Но разве он хоть что-нибудь понимает? Вчера вечером он снова зашел к нам и пригласил в ресторан – нет, на этот раз не в «Крошку зяблика», а в какое-то дорогое заведение на реке, где можно было любоваться проплывавшими мимо суденышками. Я надела платье, и он сказал, что мне очень идет, только нужно еще волосы щеткой пригладить. А Зози осталась присматривать за магазином и за Розетт, потому что Тьерри сказал, что ресторан – неподходящее место для маленького ребенка (хотя все мы понимали, что дело совсем не в этом).

Мама надела кольцо, которое он ей подарил. Крупный, жирный, омерзительный бриллиант сидел у нее на руке, как сверкающий жук. В магазине она это кольцо не носит (оно ей попросту мешает), да и вчера вечером она все крутила, крутила его на пальце, словно оно ей жмет.

«Ты все никак к нему не привыкнешь?» – удивляется он. Словно к этому вообще можно когда-нибудь привыкнуть! И к нему самому, и к тому, как он с нами обращается – точно с испорченными детьми, которых можно подкупить и задобрить. Маме он подарил мобильный телефон, сказал: «Чтобы я всегда мог с тобой связаться», и прибавил: «Я просто поверить не могу, что у тебя никогда не было мобильного». А после ужина мы пили шампанское (которое я ненавижу) и ели устриц (которых я тоже терпеть не могу); потом подали шоколадное суфле-мороженое, которое оказалось вполне ничего, но все-таки хуже того, которое мама когда-то сама готовила, да и порции были просто крошечные.

А Тьерри все время смеялся (во всяком случае, сначала), и называл меня *jeune fille*, и вел всякие разговоры о нашей *chocolaterie*. Оказывается, он снова уезжает в Лондон и хочет, чтобы на этот раз мама тоже с ним поехала. Только она отказалась, сказала, что сейчас слишком занята и поедет, может быть, только после Рождества, когда схлынет спрос.

– Вот как? – удивился он. – По-моему, ты говорила, что дела у тебя идут неважно.

– Я пытаюсь предпринять кое-какие новые шаги, – пояснила мама и рассказала о том, что хочет выставить на продажу небольшую партию трюфелей домашнего приготовления, и о том, что ей теперь помогает Зози, и о том, что она уже вытащила из кладовки свою старую кухонную утварь.

Она довольно долго об этом говорила и даже порозовела немного, как бывает, когда она действительно чем-то увлечена. Но чем больше она рассказывала о своих планах, тем меньше говорил Тьерри, тем меньше он смеялся, и в конце концов она тоже умолкла, смущенно на него посмотрела и спросила:

– Извини, но тебе, наверное, все это совсем не интересно?

– Да нет, мне очень интересно, – возразил Тьерри. – И все это, разумеется, идеи Зози, да? Судя по тону, восторга от этого он явно не испытывал.

Мама улыбнулась.

– Да. И она нам очень нравится, верно, Анни?

Я подтвердила.

– Но, Янна, неужели ты думаешь, что подобная особа годится тебе в помощницы? То есть в целом она, возможно, вполне ничего, но все же будем смотреть правде в глаза: в магазине тебе нужен совсем другой человек, а не какая-то официантка, которую ты переманила у Лорана Пансона...

– «Подобная особа»? – удивленно переспросила мама.

– Но мне казалось, что, когда мы поженимся, тебе, возможно, захочется нанять какую-нибудь женщину, чтобы хозяйничала в магазине...

«Когда мы поженимся». Ну и дела!

Мама посмотрела на него, слегка сдвинув брови.

– Нет, я понимаю, – поспешил поправиться он, – хозяйничать там ты хочешь сама, но ведь тебе же совсем не обязательно и впредь торчать там целыми днями. Существует и множество других, более интересных дел. Мы, например, свободно могли бы отправиться в путешествие, посмотреть мир...

– Я его видела, – сказала она, пожалуй, чересчур быстро, и Тьерри как-то странно на нее глянул.

– Во всяком случае, ты, я надеюсь, не предполагаешь, что я перееду в вашу квартирку над *chocolaterie*, – сказал он с улыбкой, желая показать, что шутит. Хотя он вовсе и не шутил; по его тону об этом нетрудно было догадаться.

Мама ничего на это не ответила и отвернулась.

– Ну а ты, Анни, что скажешь? – взялся он за меня. – Спорить готов, уж ты-то путешествовать готова. Как насчет Америки? Клёво, а?

Когда Зози говорит «клёво», у нее это звучит совершенно естественно. Словно она сама это слово и придумала. Да, с Зози в Америке точно было бы клёво! При ней даже наша *chocolaterie* стала выглядеть клёво – особенно когда она повесила прямо напротив старого окна с витриной зеркало в позолоченной раме, а в витрину поставила свои леденцовые туфельки, похожие на волшебные шлепанцы Аладдина, полные сокровищ.

«Если бы Зози была здесь, она бы сразу определила, что он за человек», – подумала я, вспоминая ту официантку из английского чайного магазина, похожую на Жанну Моро. И тут мне вдруг стало не по себе – словно я сделала что-то плохое, о чем даже думать опасно, ибо эти мысли могут вызвать очередную Случайность.

«А вот Зози из-за этого ни капельки бы тревожиться не стала», – возразил мне мой внутренний голос. Да уж, Зози наверняка поступила бы так, как ей хочется! И что в этом плохого? Нет, конечно, это не очень хорошо, но все же...

Утром, собираясь в школу, я заметила Сюзи; она, прижав нос к стеклу, рассматривала нашу новую витрину; она, разумеется, сразу отскочила, стоило ей меня увидеть – мы ведь с ней, в общем, до сих пор не разговариваем. А мне на минуту стало так нехорошо, что пришлось даже присесть в одно из тех старых кресел, которые откуда-то притащила Зози, и представить себе, что рядом сидит Пантуфль и внимательно меня слушает, а его черные глаза так и сияют на усатой мордочке.

Знаете, дело даже не в том, что Сюзанна так уж мне нравится. Но она действительно хорошо ко мне относилась, пока я считалась новенькой. Она тогда часто приходила в *chocolaterie*, и мы с ней разговаривали, или смотрели телевизор, или ходили на площадь Тертр посмотреть, как рисуют художники; а однажды она там купила мне в подарок розовую эмалевую подвеску – маленькую мультяшную собачку с надписью: «Твой лучший друг».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.